

За тридцать тирских шекелей

Автор:

Данил Корецкий

За тридцать тирских шекелей

Данил Аркадьевич Корецкий

Перстень Иуды #5

Сыщики установили связь нескольких преступлений со старинным перстнем, похищенным из Эрмитажа и пропавшим в криминальном мире. Им обладали известные исторические фигуры, в том числе знаменитый маг Калиостро. Перстню приписывают мистические способности, его свойства изучают ученые, он оказывается в сфере интересов бандитов, милиционеров, подпольных дельцов. При этом постоянно встает вопрос о цене предательства, возможности оправдать его, да и о самом понятии предательства. Действительно ли тут возможна неоднозначная трактовка? И может ли время смягчить оценки одного из древнейших библейских грехов?

Данил Корецкий

За тридцать тирских шекелей

Часть первая

Доцент Трофимов

Глава 1

Тайны привлекают всех

Ленинград, 1974 год, май

День выдался на удивление солнечным и теплым – ни тучки, ни ветерка. Трофимов никогда никуда не опаздывал, и сейчас имел запас в десять минут, на всякий непредвиденный «авось». Походка у него неспешная, уверенная, именно такая и должна быть у солидного, известного ученого. Со времени, когда он вприпрыжку бежал на работу в Эрмитаж, много воды утекло. Тот Ванюша Трофимов, который носил широкие китайские штаны, клетчатые шведки и темные очки в пластмассовой оправе, растворился в реке времени, неумолимо стремящейся в бесконечность и где-то там, в неправдоподобно пугающем далеке?, с грохотом закручивающейся и падающей в страшный бездонный водоворот какой-нибудь космической черной дыры. У него была хорошая фантазия и отличное воображение, и он отчетливо представлял, как пыль Вселенной: метеориты, астероиды, обломки планет и ракет, искусственные спутники, детали орбитальных станций, межзвездные корабли с разумными гуманоидами и прочий космический мусор крутятся в циклопическом водовороте и проваливаются в непостижимое человеческому разуму чрево мироздания. Откуда ему, Ивану Родионовичу Трофимову, приветственно машет рука или нечеловеческая когтистая лапа... Бр-р-р-р!

Такого, конечно, не может быть в понятном, материалистическом мире, в котором живет советский ученый. Но факты – упрямая вещь! Он идет читать лекцию из дома – фешенебельной четырехкомнатной квартиры на Арсенальной набережной – такие квартиры не у каждого академика есть, а ему, с подачи профессора Афористова, дали сразу после защиты кандидатской, да он еще и выбирал: на набережной или на Смольной... А ведь они с Ириной снимали однушку и стояли в очереди на жилье под номером три тысячи какой-то там, словом, дай Бог к пенсии достояться... Афористов, конечно, как-то связан с ... с тем, чье имя нельзя произносить: то ли он служит истинному хозяину перстня, то ли тот, иногда, говорит его устами и управляет его телом... С точки зрения диалектического материализма, это, конечно, полная ерунда, но защита диссертации чуть было не сорвалась, и именно вмешательство Афористова исправило дело! И это не единственный момент, когда некая «третья сила»

вмешивалась в его жизнь и помогала ее выправить в нужную сторону... Да вот, взять хотя бы последний случай: вдруг позвонили из Политиздата и предложили переиздать кандидатскую монографию, только у той тираж был четыреста экземпляров, а теперь отпечатают сто тысяч! Да еще в центральном политическом издательстве страны! И делать ему ничего не надо: книга уже сверстана, и предисловие профессора Афористова написано, остается только договор подписать! Кто и когда получал такое предложение?!

Трофимов гонит глупые мысли – он уже не молодой человек, недавно окончивший ВУЗ. Ровные соломенные волосы, когда-то жесткие, как проволока, развеял... нет, не бурный вихрь удовольствий, как принято говорить в таких случаях, и которым он, в общем-то, был чужд, а промчавшиеся в заботах и напряженной работе годы. Расчески уже не ломались, и волшебник парикмахерского дела Митрич легко делал укладку, преображающую постоянного клиента. Теперь лицо не казалось круглым, а уж тем более никому бы не пришло в голову назвать его «простоватым». Даже залысины удачно маскировались, как будто их вовсе и нет совсем!

Конечно, возраст берет свое – он набрал килограммов двадцать весу и уже не походил на худощавого «эмэнэса»[1 - МНС – младший научный сотрудник.], каким был когда-то. Зато теперь Иван Родионович выглядел по-профессорски: очки-хамелеон, темно-синий, в едва заметную светлую полоску финский костюм, итальянский галстук, портфель из крокодила, штиблеты, отражающие небо полированной кожей, одеколон, пугающий чирикающих на асфальте родных воробьев чуждым иноземным ароматом... Такие вещи в магазинах не продаются, только у спекулянтов по баснословным ценам, а он привез все из командировок, в которые простые люди тоже так запросто не ездят... Правда, до профессора он не дорос: пока ходит в доцентах, но еще шажок-другой – и докторская степень с профессорским аттестатом окажется в кармане...

Трехэтажное желтое здание философского факультета, с узкими окнами и остроконечным фонарем на крыше, сохранило неистребимый облик гостиного двора, который некогда в нем и располагался. У входа толпились студенты и, вместо того чтобы до хрипоты спорить, что все-таки первично – материя или сознание, болтали о какой-то чепухе, смеялись, курили, назначали свидания, ели пирожки с повидлом и ливером, тем самым отдавая предпочтение все-таки материальному. Но перед ним они расступались, прятали сигареты и еду за спину и почтительно здоровались.

Тугая дверь с грохотом захлопнулась за спиной, отрезая обычный мир, живущий по обыденным, житейским законам. Здесь все было по-другому – возвышенно, научно и идеологично. В конце концов, здесь изучали жизнь и пытались понять ее смысл. В вестибюле висели плакаты – справа: «Марксистско-ленинская философия – билет в поезд к коммунизму!» а слева: «Коммунизм это молодость мира, и его возводить молодым!» Строго говоря, плакаты друг другу противоречили, ибо правый обещал студиям комфортабельную доставку в уже готовое прекрасное будущее, а левый отправлял на стройку, где это самое будущее придется возводить горящими от трудовых мозолей руками...

Впрочем, может быть, первый обещал преференции не всем, а только отличникам? Или, вдобавок, активным общественникам? А скорей всего, никакого противоречия тут нет, а есть обычная для привычных людей и недоступная широким массам диалектика, которую выпускники и будут этим самым массам разъяснять...

В широком светлом коридоре попался навстречу толстенный зам декана Поплавский, тот мог разъяснить кому угодно и что угодно, хотя сам, несомненно, уже обзавелся билетом в мягкий вагон того самого поезда. Впрочем, сейчас ему было не до разъяснений, он даже не заметил Трофимова, так как озабоченно вился вокруг сопровождаемого мужчины со строгим лицом, в отечественном костюме и норовящем свернуться в трубочку галстук. Несмотря на эти небольшие огрехи в гардеробе, незнакомца хотелось назвать не просто «мужчиной», а казенно-официальным словом «гражданин». И совершенно очевидно, что он тоже имеет свой билет, причем, может быть, даже не на поезд, а в самолет! Уж больно старательно и нервно вьется возле него Поплавский: то хочет взять под локоток, но в последний миг отдергивает руку, приблизится вплотную – и вдруг шарахнется в сторону, приотстанет на полшага, но, спохватившись, забегает вперед, будто показывает дорогу...

«Как рыба-лоцман, сопровождающая акулу», – подумал Трофимов, но тут же забыл об этом, настраиваясь на предстоящую лекцию. Он зашел на кафедру, поздоровался со стучащей на машинке лаборанткой Танечкой, поставил портфель на свой стол, причесался перед зеркалом, протер просветлевшие в помещении стекла очков, взял портфель и вновь вышел в коридор. Танечка проводила его недоуменным взглядом: и зачем заходил?

Молодая еще, глупая... Как зачем? За тем же, зачем самолет садится на своем аэродроме перед боевым вылетом: дозаправиться, пополнить боекомплект,

получить координаты цели, а главное – настроиться на то, что предстоит впереди... И сейчас он уже не просто шел по длинному широкому коридору, а разбегался по взлетке, держа курс на лекционную аудиторию, где предстоит поразить боезапасом накопленных знаний сотню целей: неискушенные души молодых людей, ждущих от него чего-то запретного, интересного, этакой «клубнички», которой надо, вопреки этим ожиданиям, избежать. Уж больно скользкая у него сегодня тема, можно упасть и сломать ногу. А то и голову!

– Вот и вы, наконец! – Поплавский уже летел обратно и чуть не угодил лысой головой ему в солнечное сплетение: теперь доцент не заметил заместителя декана, а не наоборот, это было уже полным нарушением университетской субординации!

– Только что говорили о тебе с Иваном Ивановичем! Он тоже не одобрил такой аншлаг! – Поплавский обвел рукой вокруг. – У нас же не театр! И не цирк!

Действительно, здесь редко царило такое оживление. Студенты толпились в коридоре, сидели на широких подоконниках, гул их молодых голосов наполнял старинное здание и разносился эхом под арочными сводами.

– Говорят, он с нечистым дружит, и тот исполняет все его желания! – шептала подружке стройная брюнетка в очках, похожая на стрекозу из басни Крылова. – Вот бы его загарпунить – и наплевать на распределение в сельскую школу!

– Ничего себе! – прыснула пухленькая рыжая подружка. Она была похожа на Винни Пуха. – Нашла кого гарпунить! Он же старый!

– Много ты понимаешь! – надула губы стрекоза. – Посмотри, какой костюмчик, какой портфельчик...

– Вот, пожалуйста! – сказал Поплавский, будто нашел подтверждение своим претензиям.

Ни он, ни Трофимов не могли разобрать в общем гуле конкретных разговоров, но оживление, царившее в коридорах философского факультета, было столь же противоестественным, как тишина и чопорная сдержанность вокруг цирковой арены.

– А кто такой этот Иван Иванович? – поинтересовался Трофимов.

– Кто, кто! Куратор наш новый, вот кто! Специально пришел тебя послушать!

– Какой «куратор»?

– Узнаешь! «Философский пароход» помнишь?

– Какой еще пароход?

– Что ты заладил: какой да какой! На котором почти вся наша кафедра уплыла! Иди лучше, чтобы не опоздать, и лишнего не болтай, хватит! Я подниму вопрос об изъятии из тематического плана твоей мистической чепухи! К ней у начальства всегда много вопросов!

Замдекана покотился дальше по коридору, как бильярдный шар. Сбитый с боевого настроения Трофимов двинулся дальше. Новость про куратора его озаботила. Особенно с учетом того, что тот пришел слушать персонально его!

Погруженный в неприятные раздумья, он прошел мимо большого объявления: «Состоится открытая лекция доцента Трофимова И. Р. «Артефакты мировой религии: мифы и реальность».

– Идёт! – донёсся сбоку звонкий юношеский голос. Подоконники моментально опустели, и будущие строители коммунизма устремились в лекционный зал. Сегодня свободных мест там почти не было: кроме философов, у которых лекция стояла в расписании, пришли юристы, филологи, инязовцы, и даже математики с физиками. Наиболее предусмотрительные заняли места за полчаса до начала, а остальные втискивались, утрамбовывая коллег, садились прямо на ступеньки в проходах между рядами и теснились у стен.

Звонок прозвенел как раз в тот момент, когда лектор, пропустив всех желающих, последним вошел в зал и плотно закрыл за собой дверь. Студенты шумно вскочили, несколько молодых людей даже заплотировали.

– Не нужно! – предостерегающе поднял руку Трофимов, обводя аудиторию взглядом. – Я же не артист. Присаживайтесь!

Он заметил, что в середине поднимающегося вверх амфитеатра, у прохода сидел тот самый Иван Иванович, который и не думал вставать, а испытующе рассматривал доцента, постукивая ручкой по раскрытому перед ним блокноту. Трофимов открыл свой черный портфель, вынул текст лекции, которую знал наизусть, но которая, по методическим требованиям, обязательно должна быть у преподавателя. Потом привычно занял место за трибуной.

– Несколько лет назад я защитил кандидатскую диссертацию, разоблачающую мифы, связанные с историями, описанными в теологической литературе и противоречащие научному атеизму и материалистической диалектике. Основные положения этой диссертации постараюсь сейчас до вас донести, – начал Трофимов специально для Ивана Ивановича: пусть знает, что он не отсебятину несет, а повторяет содержание научной работы, одобренной в «инстанциях», в том числе и на самом высоком уровне. Но тот, для кого он старался, ничего не записал, продолжая буравить его пронизывающим взглядом.

– Есть ряд артефактов, которым приписывается прямое отношение к легендам, в основном теологического характера, что вполне объяснимо – именно на Библии основаны большинство легенд... Таковы «Копье судьбы», «Туринская плащаница», «Перстень Иуды», – привычно катился лектор по гладкой, хорошо наезженной дороге. Он успокоился, голос набрал наступательную громкость и убедительную тональность.

– При ближайшем рассмотрении связь этих предметов с легендами не подтверждается, в чем я смог убедиться, работая в Эрмитаже и изучая так называемый перстень Иуды, который оказался простым украшением из первых веков нашей эры...

В зале царила тишина, сотни глаз внимательно рассматривали Трофимова. Стрекоза улыбалась загадочной улыбкой, Иван Иванович сохранял высокомерную невозмутимость, но остальная аудитория явно ждала чего-то более интересного. А квалифицированный лектор не должен обманывать ожидания слушателей. Трофимов выдержал многозначительную паузу.

– И все-таки не самым обычным украшением, – интригуяще объявил он.

Физические и химические свойства перстня поставили в тупик исследователей. Тайна металла и камня не разгаданы до сих пор – в таблице Менделеева нет

аналогичных элементов!

Аудитория оживилась, по рядам прошел шепот и тут же смолк. Только Иван Иванович что-то пометил в своем блокноте. Трофимов напрягся: главное не перегнуть палку!

– Но эта загадка из числа тех, которые десятками разгадывают наши ученые! Лично я думаю, что древний мастер мог сделать кольцо из упавшего метеорита, и тогда все становится на свои места! Уверен, через несколько лет тайна кольца получит убедительное научное объяснение! Впрочем, уже сейчас я могу объяснить вам многие заблуждения...

Трофимов поднял руку, как полководец, призывающий к вниманию застывшие перед ним боевые шеренги.

– Да, экспертиза показала, что перстень изготовлен в первом веке нашей эры! Да, на нем действительно выгравировано имя Иуды! Это дает основание считать, что он действительно принадлежал историческому персонажу! Подчеркиваю – не библейскому антигерою, а именно простому человеку: Иуде Искарриоту, уроженцу иудейского города Кириафа! Имя, распространенное в то время и на тех территориях, так что объяснение это вполне реалистично!

Вдохновение подхватило Трофимова, и вознесло на мощных крыльях фантазии туда, где дуют стремительные ветры истории, теперь он как бы летел над веками и странами, наблюдая внизу то, о чем рассказывает...

1799 год, Египетский поход Наполеона. Люсьен Годе, тогда еще поручик, получивший из рук менялы серебристый перстень с овальным черным камнем необычной огранки, потом Годе в оккупированной Москве, он уже приближенный к Наполеону генерал, и Бонапарт снимает с его пальца кольцо, награждая им графа Опалова, донесшего на поджигающих столицу патриотов... А вот племянник графа – приехавший из провинции неимущий юноша Бояров, проигравшийся в карты и заложивший перстень князю Юздовскому, известному собирателю живописи и антиквариата. Из-за перстня между Бояровым и Юздовским произошла ссора, состоялась дуэль, и провинциал, первый раз взявший в руки пистолет, метким выстрелом поражает опытного дуэлянта... Перстень переходил из рук в руки: после Боярова он попал к писарю Третьего отделения Рутке и дошел до гражданской войны, уголовного Седого и

сотрудника ОГПУ Визжалова...

Трофимов рассказывал захватывающе, но удерживался в рамках вполне естественных объяснений. Он похвалил себя за то, что умело обошел миф о библейском происхождении и мистических свойствах перстня, которые были чужды материалистической диалектике. И некоторые связанные с ним события, которым сам был свидетелем, тоже не упоминал. И конечно, оставил без внимания тот факт, что обладатель перстня вначале возносился на гребне удачи, а потом падал в бездну мучительной гибели...

Слушали его внимательно. Тихо шелестела бумага конспектов, девушки, блестя глазами, пытались отыскать на лице лектора следы потусторонней тайны, Иван Иванович резкими движениями черкал что-то в своем блокноте...

Когда Трофимов замолчал, в аудитории стояла мертвая тишина. В ушах у доцента звенело, он не различал студентов, только белые пятна над сиденьями амфитеатра, сердце колотилось, как будто он действительно пронесся сквозь двадцать веков!

Тяжело дыша, он постепенно приходил в себя. Лица приобретали индивидуальные черты, словно на фотографии в кювете с проявителем, постепенно возвращались и звуки.

– А где сейчас этот метеоритный перстень? – вдруг спросила практичная Стрекоза. Исторические перипетии прошедших веков ее не заинтересовали, другое дело – конкретная антикварная вещь, желанная на самых крупных мировых аукционах!

– Гм... – Трофимов встряхнул головой. – Несколько лет назад он похищен из экспозиции Эрмитажа, при этом был убит сторож музея. Есть предположение, что перстень находится в криминальном мире... Но в этом печальном событии нет ничего мистического... Хотя, конечно, преступления тоже порождают немало слухов! Есть еще вопросы?

Прямо напротив него из среднего ряда поднялся щуплый юноша в очках – Воскресов, его дразнили брюсовской фразой: «юноша бледный со взором горящим». Невзрачную внешность он с лихвой компенсировал дерзостью: пока остальные тянули вверх руки, он просто встал и задал не один вопрос, а целую

кучу! И все они оказались для Трофимова неожиданны и не очень приятны.

– Правда ли, что перстень обжигал руки тем, кто ему не нравился? – громким, хорошо поставленным голосом спрашивал Воскресов. – Правда ли, что ваш напарник был обожжен, а потом его растерзал лев, точь-в – точь такой, как изображен на перстне? Правда ли, что перстень влияет на судьбы людей?

На наезженной дороге неожиданно обнаружились ухабы и коварные выбоины. Благополучную карету лекции затрясло, как бы не перевернуться...

– Знаете ли, – немного растерянно произнёс Трофимов, соображая, как лучше уйти от опасных ответов. – Бывают, знаете ли, такие совпадения ... И молва обычно чувствительна к ним... Как следствие, рождаются преувеличения и домыслы...

Он вскинул руку и демонстративно посмотрел на часы, давая понять, что уже некогда давать развернутые ответы. Но до звонка еще целых пять минут. Иван Иванович рассматривал его, приподняв правую бровь, будто целился. Трофимов вздохнул.

– Больше нет вопросов? – в голосе прозвучала надежда.

– Разрешите? – вскочила с первого ряда незнакомая девушка, видно с другого факультета. В элегантном коричневом, с белыми узорами свитере, выглядела она старше среднестатистической студентки: вьющиеся каштановые волосы до плеч, греческий нос, сильно накрашенные глаза, большой рот, тонкие губы... Вроде бы ничего особенного, но симпатичная. А взгляд какой-то вызывающе откровенный, за гранью приличия...

«Бл... кий!» – классифицировал Трофимов. Возможно, он использовал не философский и не исторический термин, но довольно точный.

Не писаная красавица, она явно обладала особой привлекательностью, той, что притягивает мужчин, как пчёл запах клевера, и не только притягивает, но и заставляет совершать необдуманные поступки.

– Пожалуйста! – сказал Трофимов.

– Тридцать сребренников – это много или мало? – она улыбнулась, и улыбка вышла такой же, как и взгляд.

Трофимов пожал плечами.

– Сребреник – это тирский серебряный шекель, он весил 14 граммов и стоил вдвое больше, чем обычный шекель – 4 динария. Таким образом, 30 Тирских шекелей – это 120 динариев. Цена невинной невесты составляла 200 динариев, на нее бы этой суммы не хватило, но вдову можно было купить за сотню, – Иван Родионович улыбнулся, показывая, что шутит, но девушка осталась серьезной. Он тоже согнал с лица неуместную улыбку.

– Римский воин должен был служить за эти деньги два с половиной года, – продолжил он. – Баран стоил 8 динариев, теленок 20, вол – 100–200... Так что это приличные деньги!

– Это много или мало? – повторила незнакомка.

– Оценочные категории не действуют вне конкретных обстоятельств. За что много? Или за что мало?!

– За то самое!

– «То самое» стоило от ста шекелей! – выкрикнул с места Воскресов. – Поэтому хваленый римский воин мог довольствоваться только овцой!

Аудитория взорвалась смехом, и тут же прозвенел спасительный звонок.

– Лекция окончена, спасибо за внимание! До свидания!

Студенты потянулись к выходу. Некоторые подошли, окружили лектора плотным кольцом. Кто-то хотел взять автографы на распечатках его автореферата или просто на листках бумаги. На авторефератах Трофимов расписывался, на листках нет:

– Принесете мою монографию, я с удовольствием поставлю подпись!

Некоторые просто задавали вопросы:

– А правда, что перстень исполняет желания?

– Вы держали его в руках? И что чувствовали?

– А настоящий Иуда был на самом деле?

Вяло отвираясь, Трофимов открыл портфель и с видом крайней занятости стал переключать бумаги в ожидании, пока освободится проход – выходить раньше слушателей он считал неприличным. Наконец, зал опустел. Лишь девушка, задававшая вопросы, стояла у его стола, явно не собираясь уходить. Выглядела она эффектно: обтягивающая короткая юбка подчёркивала изящество фигуры и высоко открывала длинные ноги в дымчатых колготках.

– Слушаю вас! – сказал Трофимов мягче, чем обычно.

– Я корреспондент газеты «Вечерний Ленинград», – улыбнулась она. – Лена Еремина.

– Еремина?! Так это вы пишете скандальные статьи и раздуваете дешевые сенсации?! Экстрасенсы, телепатия и все такое?

Она улыбнулась

– Я действительно пишу о малоизученных явлениях, еще не объясненных наукой. Вы делаете то же самое, только в устной форме...

Трофимов хотел возразить, но не успел.

– Девушка, оставьте нас, – раздался за ее спиной властный, немного скрипучий голос. – У нас важный разговор!

Это был Иван Иванович. Как он умудрился остаться незаметным?

– Жду вас на выходе, – одними губами произнесла Лена и, не обернувшись, легкой походкой выскользнула из аудитории.

Иван Иванович уверенно выдвинул стул из ряда стоящих за длинным столом рядом с трибуной, сел, сделал приглашающий жест, и Трофимов последовал его примеру, постаравшись, чтобы дистанция между ними оказалась как можно больше.

– Боитесь? – усмехнулся куратор уголками рта, и было заметно, что ему нравится, когда его боятся. – Напрасно, я не кусаюсь!

– Я в этом уверен, – вежливо согласился Трофимов. – Вы только записываете. Но эти записи могут оказаться пострашней укуса!

Иван Иванович усмехнулся еще раз, уже открыто.

– Однако дерзить вы не боитесь! Думаете, это смелость? Нет, в данном случае глупость. Но я действительно внимательно слушал ваше... гм... выступление и действительно записывал, пытаюсь понять: разоблачаете вы религиозные мифы или их пропагандируете...

Трофимов ждал продолжения, рассматривая серое, с ранними морщинами, лицо собеседника, заметно пробивающуюся щетину, обветренные губы, светлые, навывкате глаза, которые в свою очередь внимательно рассматривали его. Куратор явно ждал вопросов типа: «И как впечатление?» или «Что же вы записали?», или «Ну что вы, конечно разоблачаю!» Но не дождался и сам нарушил молчание.

– Да-а-а, товарищ доцент, вы мастерски обошли все острые углы. Почти все! И сделали это так виртуозно, что невольно появилась мысль: кто вас этому научил?

«Вот тебе на!» – изумился доцент. А вслух, с тем же изумлением спросил:

– Кто научил?! Чему научил?!

– Virtuозно уходить от прямых ответов. Не подставляться, чтобы не выдать себя неосторожным словом. Вертеться, как уж под вилами – знаете эту старинную русскую поговорку?

– Знаю, – растерянно сказал Трофимов, недоумевая, кто мог учить кандидата наук отвечать на вопросы студентов, если это его прямая должностная обязанность. И при чем здесь какие-то ужи, какие-то вилы?

– Ну вот! – обрадовался Иван Иванович, улыбаясь до ушей. – А притворяетесь: «Кто научил, чему научил»?! Скрывать правду очень непросто, это целая наука! И ей, науке лжи, специально учат!

– Не понимаю вас, – сухо сказал Трофимов. – Я работал только в Эрмитаже и в университете. Ни там, ни там меня ничему подобному не учили!

– Вот вы и прокололись! – куратор согнал улыбку и нахмурился. Только что перед Трофимовым сидел доброжелательный свойский парень, почти друг, и вдруг превратился во враждебно настроенного противника.

– Самое большое достижение дьявола состоит в том, что он заставил всех поверить, будто его не существует, – медленно произнес Иван Иванович, вытягивая своими бесцветными глазами все тайны, которые накопились в мозгу собеседника. – Но мы знаем, что он есть, хотя и хорошо маскируется. В СССР ему неуютно, а вот в капиталистическом аду он и его многочисленные агенты чувствуют себя как рыба в воде...

– Я вообще ничего не понимаю! – совершенно искренне произнес Трофимов. – Что вы имеете в виду?

– Ничего особенного. Просто анализирую факты. А факты таковы... Младший научный сотрудник начал делать карьеру на очень сомнительной истории о некоем перстне Иуды. Надо ли говорить, что это противоречит советской идеологии и учению марксизма-ленинизма? Нет, все и так вполне очевидно! Тем не менее он защитил диссертацию, поднялся по служебной лестнице, стал выезжать в зарубежные командировки. И где-то научился виртуозно изворачиваться и врать! Где же? Сам он признается, что не в Эрмитаже и не в университете, а нигде больше он и не работал... Остается только закордонье! Логично?! Там ему никто не мешает общаться с дьяволом. Но когда он

возвращается, от него исходит легкий запах серы!

Иван Иванович обвел ошарашенного слушателя указательным пальцем, как будто обозначил вокруг него чуждую ауру, которую можно называть запахом серы, а можно – импортными шмотками и запахом привозного одеколona.

«Похоже, никуда меня больше не выпустят! – отстраненно подумал Трофимов. – И на фиг мне сдался этот перстень? Чего я не стал исследовать кувалду потомственного кузнеца – как она переходит от отца к сыну? Или революционный маузер? Хотя вон крупный партработник Терехов застрелился из такого маузера[2 - Эти и другие события, упоминаемые в романе, описаны в книге «Усмешка Люцефера».], и с ним тоже можно было впросак попасть...»

– А мы ведь натренированы этот запах определять и ни с чем его не путать... – продолжал куратор. – Значит, что?!

«Из университета выгонят, – доцент, а будущий безработный сжался, причем не только внутри, но и снаружи – и ростом меньше стал, и в объемах съежился. – Раньше бы еще и посадили. А то и расстреляли!»

– Значит, на конференцию в Израиль я не поеду, – то ли вопросительно, то ли утвердительно произнес Трофимов.

– Ну, что вы! – замахал руками Иван Иванович. – Как можно? Вы же светило науки! Ну, пока, конечно, не мировой величины, но европейской точно! Кто же вас выдернет из этой обоймы? Да и партия давно осудила такие перегибы! Сейчас время «философских пароходов» прошло!

– А что это за пароходы? – осторожно поинтересовался Трофимов. Незнакомый оборот встретился ему сегодня дважды подряд.

Куратор положил руку на стол, забарабанил пальцами по черной поверхности, помолчал.

– В двадцать втором году чуждые элементы противоречили коммунистическим воззрениям. Особенно ваш брат – философы. Капиталистические догмы выставляли на пути новой идеологии. Как бетонные надолбы на пути танков

нового мира. Ну, пришлось посадить таких умников на пароходы, и...

Куратор снова махнул рукой, на этот раз безнадежно.

– Что, утопили?! – Трофимов даже со стула вскочил.

– Да почему вы все в крайности кидаетесь, – досадливо поморщился Иван Иванович. – Небось с красным террором в Крыму спутали? Ну да, по времени совпадает... Только там белогвардейцы были, враги, сколько они нашей крови пролили... А профессоров даже на Соловки не отправили. Вывезли за границу и отпустили на все четыре стороны! А вам мы разрешаем ездить куда хотите. Просто, я должен профилактические беседы с такими товарищами проводить, ну вот и провел!

Иван Иванович снова улыбнулся открытой улыбкой своего парня.

– Запомни – там кругом враги, только и ждут, что ты с истинного пути свернешь! Да еще и провокации устраивают, сами человека с пути сбивают! Так что держись настороженно, как красный партизан. А когда вернешься, напишешь объективку – что там было, да как... Понял?

– Конечно понял, – Трофимов с облегчением перевел дух. – Меня же каждый раз инструктировал Сергей Сергеич...

Куратор кивнул.

– Он на повышение пошел, теперь со мной будешь работать. Только ты ему ничего путного ни разу не написал! Смотри, со мной так нельзя. Понял?

– Да понял, понял...

Иван Иванович встал.

– Да ни хрена ты не понял. Ну, ладно! Счастливого съездить!

Он протянул руку и после крепкого пожатия не отпустил.

– А скажи мне откровенно, не по службе, а по дружбе... Ну, по-человечески, короче... Ведь этот перстень не такой простой, как ты тут соловьем разливался? У нас есть разная информация, такая, что волосы дыбом встают... И не верить ей нельзя, и верить невозможно!

Расслабившийся Трофимов не выдержал гипнотизирующего взгляда и кивнул.

– Не простой. Очень непростой!

– Хвалю за честность! Только честность часто сродни глупости, поймей это в виду, – куратор разжал ладонь, но еще не отпустил курируемого. – И еще... Я не совсем понял – что там ваш студент сказал про римского воина и овцу?

– То, что тот мог купить только овцу, но не быка, – ответил Трофимов, с трудом сдержав улыбку.

– А почему все смеялись? – подозрительно спросил Иван Иванович.

– Потому, что хваленые римские legionеры так мало получали...

Куратор с сомнением пожевал губами.

– А как его фамилия?

– Кого?

– Не римского же legionера! – раздраженно повысил голос Иван Иванович. Этого вашего студентика?

– Честно говоря, я не видел, кто задал этот вопрос. Как раз в конспект смотрел.

Куратор вздохнул.

– Ну, ладно. Свободен!

С облегчением выскакивая в коридор, Трофимов чуть не ударил дверью Поплавского. Похоже, замдекана банально подслушивал.

– Ну, что? – нетерпеливо спросил он. – Не пустили?

– Ну почему же, – вальяжно отвечивал Трофимов. – Философским самолетом отправляют! Кстати, моя лекция ему очень понравилась!

Он быстро пошел по коридору, слыша, как сзади замдекана робко скребется в дверь аудитории вверенного ему факультета.

* * *

На улице уже не толпились студенты – у всех свои дела, а лектор не артист, которого поклонники караулят часами. Только Стрекоза и Винни-Пух стояли чуть в сторонке и оживленно переговаривались. Завидя препода, они заулыбались и двинулись навстречу – модельным шагом, но с синхронностью армейского патруля. Однако сбоку его стремительно атаковала журналистка, про которую Иван Родионович уже забыл. Но тут же вспомнил, даже имя мгновенно всплыло в памяти: Лена Еремина.

– Уф, я уже думала, что не дождусь! – радостно сказала она. – Этот строгий дяденька совсем вас заговорил...

– А может, я его, – буркнул Трофимов. – Так чего вы хотите?

– Хочу много чего, а прошу крошечку, – Лена чуть склонила голову набок, и на красивом лице появилось такое выражение, с каким дети просят купить игрушку или шоколадку. – Всего лишь интервью...

Трофимов замялся.

– Гм, я вообще-то не против... Но я устал, да и на кафедре полно людей – только закончились пары...

– Ничего тут рядом очень уютное кафе, там замечательный кофе и прекрасные пирожные. Свежие-свежие! Не пожалеете! К тому же, я приглашаю!

Трофимов даже улыбнулся такому наивному напору. Свежие пирожные и бесплатное угощение – надо же!

– Раз так, я согласен!

– Я могу взять вас под руку? – спросила Лена, одновременно делая то, о чем спросила.

Трофимов шарахнулся в сторону и вырвался.

– Нет, нет, это уж слишком! Ведь я преподаватель, и вот мои студенты! Что они подумают?

Стрекоза и Винни-Пух действительно удивленно переглянулись.

– Вот и загарпунили твоего муравья! – достаточно громко сказала Винни-Пух.

«Почему я муравей?» – подумал Трофимов, проходя мимо под цепкими взглядами студенток.

– Нахальство – второе счастье! – прокомментировала Стрекоза. Лена, несомненно, тоже ее услышала и неизвестно, о чем подумала, но отреагировала ответным выпадом.

– Ой, я ужасно замерзла! – она снова вцепилась в локоть спутника и прижалась к нему.

Действительно, солнце спряталось за тучу, подул ветерок, и стало довольно зябко. Поэтому второй раз он отстраняться не стал. Тем более что ему было приятно исходящее от спутницы тепло и тонкий аромат духов. Лишь бы жена не увидела!

В кафе-кондитерской было малоллюдно, уютно и пахло ванилью. Они сели за столик у окна, взяли безе с черникой и кофе. Иван предложил выпить коньяку,

Лена охотно согласилась. Она действительно продрогла и согревала ладони о чашку.

– А вы ведь, историк, верно? Почему же тогда преподаёте на философском?

– Это уже интервью? – улыбнулся Трофимов. – У меня диссертация на стыке специальностей. Движение перстня – это история, а его оценка – философия...

– Так легче маневрировать?

– Между чем и чем?

– Между запретной правдой и дозволенной ложью.

– С чего вы взяли?

– Это чувствовалось. Да и студентов привлекает то, о чем вы не писали в своих трудах, но о чем по крупицам проговариваетесь в лекциях. Недаром у вас такой аншлаг. Особенно на этой теме. Я не слышала, чтобы филологи и инязовцы ходили к другим преподавателям. Или к вам на другие темы...

Она подняла грушеобразный бокал с плескающейся на дне янтарной жидкостью.

– За науку и вас, как ее яркого представителя!

Они чокнулись, выпили.

– Похоже, коньяк неразбавленный, – сказала Лена.

– И пирожные действительно свежие, – в тон ей высказался Трофимов.

– А ваш коллега Киндяев? Ему нравился перстень? – небрежно спросила Лена, допивая свой кофе.

От неожиданности Иван Родионович вздрогнул.

– Откуда вы знаете про Киндяева?!

– Я же не просто пишу, что в голову придет! – девушка с сожалением отодвинула пустой бокал. – Я провожу расследование. И знаю, что Киндяеву перстень не нравился, что в львиной голове он угадывал Князя Тьмы. Разве не так?

Вместо ответа Трофимов подозвал официантку и заказал еще кофе и коньяк.

– И перстень действительно сильно обжег ему руку! – продолжила Лена. – А через некоторое время вырвавшийся из клетки цирковой лев разорвал его прямо во время представления. Об этом написали газеты. А я только соединяла разрозненные факты. Рассказы родственников, знакомых, сослуживцев... И у меня накопилась целая папка!

– Чего же вы хотите от меня? – напряженно спросил Трофимов. Это могла быть действительно пронырливая журналистка, а могла быть представительница «третьей силы», которая не раз вмешивалась в его жизнь. Правда, это были позитивные вмешательства. Но все могло измениться в любой момент...

– Чего вы испугались?

– Ничего.

– Я чувствую исходящую от вас волну страха. Но не меня же вы боитесь?

«Чуткая штучка!»

– Нет конечно. Чего мне вас бояться?

– Действительно!

Если бы это была посланница, то она попыталась бы усыпить его бдительность. Но она не предпринимает таких попыток...

– Лена, чем я могу вам помочь? Ведь похоже, что вы осведомлены больше, чем я!

– Вряд ли! – перебила девушка. – Сейчас меня мало интересует лев с перстня и сам перстень. Но вы недавно признались, что это действительно перстень Иуды...

– Но совсем другого Иуды! Простого жителя Иудеи! Я подчеркнул это!

– Простой житель Иудеи не мог иметь непростой перстень! Перстень Иуды, сохранившийся в веках – может быть только перстнем того самого Иуды! Значит, Иуда существовал? Значит, существовал и Христос?

Трофимов почувствовал себя более неудобно, чем при беседе с Иваном Ивановичем. Наверное, потому, что девушка была лучше осведомлена о предмете разговора и загнала его в тупик.

– Лена, стоп! – картинно поднял он руки. – Я ученый и могу говорить только о научных материях. Высказывать свои предположения по вопросам мирового значения я не имею права. Только факты. Через неделю я лечу в Израиль, на конференцию, где как раз будут обсуждаться такие факты. Вот по возвращении я смогу рассказать вам о результатах этих обсуждений.

Несколько секунд журналистка рассматривала его в упор, потом кивнула.

– Что ж, хорошо. И на этом спасибо!

Этой ночью ему приснилась новая знакомая. Босая, в полупрозрачном белом платье с глубоким декольте и красивой золотой ладанкой на шее, она что-то говорила и улыбалась. Слов Иван не слышал, но ему было приятно просто смотреть на неё.

Глава 2

Конференция на Святой Земле

Раньше, готовясь к международным форумам, Трофимов испытывал волнение и трепет в преддверии встреч с известными учёными из разных стран, перед

которыми он должен выступать, как равный среди равных. Оценят ли мировые светила его доклады? Признают ли? Оказалось, что и оценили, и признали, такие встречи стали обыденностью, он сам приобрел известность в научном мире, и теперь волнение было вытеснено прагматичными мыслями: как лучше подать материал, чтобы запомниться и укрепиться в неписаном, но хорошо всем известном рейтинге специалистов своего дела...

В самолете он поел жареную курицу, выпил стакан красного вина и даже немного подремал. Почему-то снова приснилась новая знакомая. Симпатичная журналистка опять что-то говорила, а он снова не мог разобрать смысла, но был уверен, что слова ее очень правильные и умные – других из такого красивого рта исходить просто не могло. И вдруг будто включили звук. «Дзынь-дзынь!» – сказала Лена, Иван удивился и проснулся. Светилась надпись: «Пристегните ремни», по трансляции объявляли, что самолёт приближается к аэропорту Бен Гурион. Он прильнул к иллюминатору – в этих краях бывать еще не приходилось. Какая же она – Святая Земля?

Но вид сверху на серый, словно покрытый слоем цементной пыли, Тель-Авив поверг Трофимова в уныние. Одинаковые квадратные и прямоугольные здания, отсутствие зелени, стандартная квадратно-гнездовая застройка – все это производило впечатление спешно возведенных временных жилищ для спешащих на историческую родину мигрантов. Никакой особой мистической атмосферы тут быть не могло, и разгадки таинств, уходящих корнями на тысячи лет назад, этот блочный город не обещал.

Разочарованный Трофимов откинулся на спинку сиденья. Сидящий рядом средних лет мужчина в белом летнем костюме беспокойно вертелся в кресле, нервно ощупывал карманы, вынимал и перекладывал из одного места в другое какие-то документы.

– Готовься, земляк, сейчас шмонать будут! – сказал он, поймав недоумевающий взгляд соседа. – Они, бляха муха, в каждом госте террориста видят!

– А разве мы похожи на террористов? – удивился доцент.

– Видно, вы первый раз сюда? – вмешалась в разговор хорошо одетая молодая блондинка, сидящая у прохода. Она была симпатичной, но длинный острый нос придавал ей вид сплетницы из коммунальной квартиры, каких обычно рисуют в

кариатурах. – Могут раздеть догола и пытать, зачем приехала! В прошлый раз знаете, где они у меня террористов искали? Да, да, во все отверстия заглянули!

«Что за ерунда?» – подумал Иван.

Очевидно, сомнения отразились на лице. Белый костюм доверительно похлопал его по руке.

– Короче, не болтани лишнего! Если признаешься, что кто-то передал через тебя письмо там, посылку, любую хурду-мурду своим знакомым или родственникам, – пиши пропало! Просидишь сутки в камере, да обратно полетишь... Это еще в лучшем случае!

– Да ничего мне не передавали, – Иван убрал руку. – И вообще, я с официальным визитом!

– Это не поможет, – костюм отодвинулся.

– Еще скорей за шпиона примут! – блондинка тоже отвернулась.

Казалось, что между официальным Трофимовым и его неофициальными соседями возникла незримая преграда. И он почувствовал, что, несмотря на внешний скептицизм, они завидуют его неведомому служебному статусу.

Люк открыли, и в фюзеляж ворвался жаркий воздух. За бортом ярко светило ослепительное белое солнце – не меньше тридцати градусов в тени. Святая Земля встречала прибывших неласково. У трапа гостей ждали полицейские с собакой и военные с автоматами. Точнее, не гостей, а подозреваемых. Через темные очки они внимательно осматривали каждого, ступающего на израильскую землю, и приветливости на суровых лицах было, мягко говоря, немного. Даже маленький рыжий той-терьер, вполне мирного домашнего вида, на службе выглядел угрожающе, словно являлся, как минимум, немецкой овчаркой. Остроносую блондинку он вдруг облаял, и ее увели в минивэн с глухими шторками на окнах. Остальных посадили в большой автобус с тонированными стеклами. Здесь работал кондиционер, и было прохладно. Чудеса, да и только!

– Видал! – толкнул Ивана локтем в бок белый костюм, кивая на минивэн за окном. – А ты говоришь!

На пограничном и таможенном контроле Трофимов задержался минут на двадцать. И хотя он предъявил приглашение на конференцию, написанное на иврите и английском, да вдобавок заверенное красной печатью с зубчиками по окружности, оно никакой роли не сыграло. Строгая женщина в униформе и с пистолетом дотошно расспросила: зачем он прибыл в Израиль, есть ли у него здесь родственники или знакомые, что он везет с собой и не просили ли его посторонние люди что-то кому-то передать... Наконец, он получил штамп в паспорт и пересек границу.

В зале прилета его ожидал молодой человек в легких брюках, шведке и сандалиях на босу ногу. В руках встречающий держал табличку: «Трофимов».

– Соломон Гонтмахер, – представился он на хорошем русском языке. – Я из группы приема и размещения гостей. Сегодня все соберутся здесь, а завтра переедем в Иерусалим. Пойдемте к машине. Какие у вас первые впечатления от Израиля?

– Тревожные... Еще с трапа не успели сойти, а уже автоматы, собаки, задержания... На границе полчаса потерял, все расспросы, да расспросы... Приглашение университетское предъявил – ноль внимания!

Гонтмахер покачал головой.

– Вы ошибаетесь! Без этого документа вы бы там могли и на час застрять, и на два...

За разговором они вышли на парковку, сели в издававший виды серый ситроен с помятым левым крылом, Соломон вырулил на автотрассу и ловко вписался в плотный автомобильный поток.

– Не забывайте, что страна находится в состоянии скрытой войны, – продолжил разговор Соломон. – Часты теракты, нападения, похищения людей. Отсюда и повышенная бдительность, отсюда «острые» методы работы спецслужб... При контакте с полицией старайтесь не допускать никаких действий, которые могут спровоцировать открытие огня. Тут это быстро...

– Ничего себе! – поежился Трофимов.

– Нормально! – улыбнулся Соломон. – Вы не похожи на арабского террориста, да и ваше поведение вряд ли привлечет внимание полиции. К тому же мы будем стараться сопровождать вас везде...

– Ну, тогда другое дело! – то ли благодарно, то ли саркастически сказал Трофимов.

Он с любопытством смотрел по сторонам. Машины, в основном, были старые, много побитых и проржавевших. Безыскусная планировка города, одинаковые скучные дома эконом класса, – все производило впечатление мрачной, безысходной бедности... Не таким он представлял Землю Обетованную! Сердце согрел яркий плакат: «Советский цирк в Израиле!», на котором лев прыгал через обруч, а человек в длинном черном плаще и цилиндре взмахивал какой-то палочкой. Он воспринял это как привет с Родины, которую недавно покинул, но по которой уже начал скучать.

Оказалось, что Трофимов прибыл одним из первых, Гонтмахер заселил его в скромную трехзвездную гостиницу и поехал встречать следующего гостя. Британский профессор Гарри Оливер Крайтон и немецкий Манфред Бреннер, с которыми он обычно общался на конференциях, должны были прилететь ночными рейсами. Оставалось коротать время одному.

Отдохнув после перелета, Трофимов вышел в вечерний Тель Авив. И оказалось, что от его серости и необустроенности не осталось и следа. Город светился тысячами огней: рекламы, вывесок с названиями магазинов, сувенирных лавок и бесчисленного множества кафе, распространявших по округе вкусные запахи и приятную музыку. Людей было много. Казалось, все жители и гости столицы только и ждали наступления ночи, чтобы выбраться погулять, поесть и повеселиться. Трофимов органично влился в вечернюю жизнь: зашёл в кафешку под открытым небом, заказал яблочный сок, кебаб, сабих – подобие бутерброда из лаваша, фаршированного жареными баклажанами, яйцом вкрутую, петрушкой и каким-то очень вкусным соусом. После ужина настроение кардинально изменилось, город больше не казался мрачным и неприветливым. Даже то, что у контролировавшего персонал хозяина заведения под распахнувшейся курткой он увидел пистолет, не произвело пугающего впечатления.

Вечер был приятным – без духоты, с легким прохладным ветерком. Он неспешно вернулся в гостиницу и заснул сном младенца.

* * *

На следующий день он проснулся поздно и чуть не опоздал на завтрак. Быстро съев омлет, несколько бутербродов с ветчиной и выпив кофе, он одним из последних вошел в комфортабельный автобус с табличкой на лобовом стекле «Conference. Jerusalem.» В конце салона уже сидели его научные приятели: профессор из Кембриджа Гарри Оливер Крайтон и Манфред Бреннер из Дюссельдорфа. Их фамилии красовались на десятках монографий и были хорошо известны в мире исторической теологии. Сейчас они просто оживленно переговаривались, не обращая внимания на окружающих.

– Привет, друзья! Как долетели? – непринужденно спросил Трофимов, благо английским он владел вполне прилично.

– О, Иван! А мы гадаем – приехали вы или нет? – Крайтон, широко улыбаясь, привстал навстречу. Пожилой Манфред Бреннер тоже изобразил улыбку, хотя по утомленному лицу, окруженному седой норвежской бородой, было видно, что он не выспался: даже всегда ухоженная борода была растрепана. Они обменялись несколькими фразами вежливости, и Трофимов сел на свободный ряд за ними, заняв место у окна: в дороге он любил наблюдать за пейзажами и жизнью незнакомой страны.

Устроившись и вытянув ноги, он увидел, как Гонтмахер, торопясь, чуть не вприпрыжку, ведет от гостиницы невысокого худощавого мужчину в сером костюме, такой же шляпе и с раздутым коричневым портфелем в руке. Как только они поднялись в салон, двери с легким шипением закрылись, и автобус, наконец, мягко тронулся. Соломон занял кресло гида рядом с водителем, а его спутник прошел по проходу и остановился возле Трофимова.

– Не возражаете, если я сяду рядом? – снимая шляпу, спросил он по-русски, но с акцентом и ударением на последние слоги.

Иван Родионович вздохнул. Он любил располагаться вольготно, а напротив ряд был свободен, да и заднее сиденье тоже. Но отказывать без повода неловко.

– Присаживайтесь, – сказал он, скрывая недовольство за деланной улыбкой и незаметно разглядывая незнакомца. Кудрявый брюнет лет сорока, зеленые глаза, усики-стрелочки и борода клинышком. Похож на мушкетера из известного фильма.

– Мерси! – попутчик положил на верхнюю полку портфель и шляпу, плюхнулся рядом, развернулся, обнажая в улыбке крепкие белые зубы. Все, до коренных.

– Лукас Бланше, из Сорбонны, – улыбка была столь же широкой, сколь и неприятной. И вообще, Трофимову он не понравился.

– Иван Трофимов.

– Конечно, я вас узнал!

– Каким образом? Разве я киноартист?

– В «Науке и истории» было ваше фото! А вообще я читал все ваши публикации!

– Вот как?! – удивился Иван. – Не знал, что я так популярен во Франции!

– Да, да, мне очень интересовали ваши труды! – он то и дело переходил с английского на русский, которым владел средне. – Этот перстень... Вы держал его в руках! Ни один из исследователей древних артефактов не может этим похвастать! Наверняка он передал вам хоть крупицу своей энергетики. Я вам искренне завидую!

Трофимов ради приличия улыбнулся в ответ, но ничего не ответил. Разговаривать с французом не было желания, хотя первоначальная неприязнь исчезла. Он немного опустил назад спинку кресла и прикрыл глаза. Спутник оказался понятливым и больше не пытался завязать разговор.

Через полтора часа они доехали до Иерусалима, и вскоре автобус остановился в университетском кампусе, расположенном на одном из городских холмов, довольно далеко от центра. Это был целый городок: четырехэтажные общежития из белого камня образовывали периметр, посередине располагались учебные корпуса, библиотека, зеленые лужайки с аккуратно подстриженной

травой, цветочные клумбы. Трудно было представить, что это рукотворный оазис, раскинувшийся в пустыне... Городок был огорожен проволочным забором, на въезде дежурила вооруженная охрана, вокруг его периодически объезжали открытые вездеходы с парой автоматчиков.

Гонтмахер разместил гостей в двухместных номерах скромного, но чистого и удобного общежития. Соседом Трофимова оказался Лукас Бланше – он сам проявил инициативу, и Иван возражать не стал.

Потом состоялся скромный обед – обычный для научных конференций, но с элементами местной специфики: хумус, жареные яйца в томатном соусе, овощи, кус-кус, цимес с бараниной...

– Кушайте смело, все кошерное! – объявил Гонтмахер, придерживаясь обязательного протокола приема пищи, хотя вряд ли среди европейцев были те, кто соблюдает кашрут.

После обеда гостей провели в главный корпус, где находился большой зал со столом президиума на возвышении, трибуной, экраном для презентаций, лежащими на столах наушниками, небольшими бутылочками с водой и стеклянными кабинами синхронного перевода. Здесь уже ожидали местные ученые и молодые люди – то ли студенты старших курсов, то ли аспиранты.

Все заняли свои места в соответствии с фамилиями на расставленных табличках. Гарри Крайтон, Манфред Бреннер, Иван Трофимов, один американский профессор и один индеец оказались за столом президиума, – это свидетельствовало о высокой степени признания их заслуг в науке. Лукас Бланше сидел в зале, хотя и в первом ряду, но их разделяла невидимая пропасть, поэтому француз заметно приуныл.

Проректор университета взял вступительное слово, учтиво представил членов президиума, поблагодарил всех, кто, несмотря на занятость, счел нужным приехать на этот славный форум, и объявил доклад профессора Крайтона. В общем, все двигалось по обычным рельсам научных конференций. Англичанин изучал неканонизированные Евангелия, он проанализировал Евангелие от Иуды, уложившись в тридцатиминутный регламент, и быстро ответил на вопросы, которых было не очень много. Вторым выступил профессор Бреннер, доложив результаты изучения «Копья судьбы», привел добытые им важные

свидетельства и открытые научные факты, но в регламент не уложился, а в соответствии с традициями мэтра не перебивали и давали высказаться до конца. Потом немец долго отвечал на вопросы, Трофимов почти не слушал: он изнывал от нетерпения, хотелось, чтобы конференция поскорее закончилась и можно было пройтись по Иерусалиму, прикоснуться к святым местам, ощутить особую атмосферу, связанную с перстнем, который он так долго и целенаправленно изучал.

Наконец, подошла его очередь. Трофимов решил говорить на родном языке: все-таки научный доклад и обычный разговор – это совершенно разные вещи! Он привычно изложил то, что совсем недавно рассказывал своим студентам. При этом несколько раз встречался взглядом с Лукасом Бланше: тот внимательно слушал, иногда кивал и даже что-то записывал. А когда доклад закончился, сразу же поднял руку.

– Мистер Трофимов! – обратился он тоже на русском. – Вы единственный из тех, кто непосредственно работал с изучаемым артефактом. Чувствовали ли вы нечто особенное, когда держали его в руках? Не исходила ли от него некая опасность?

– У увлечённых исследователей любой артефакт вызывает трепетные чувства. Иногда я так засматривался на него, что не замечал, как пробежал день... Изредка чувствовал некоторое тепло, – честно ответил Иван Родионович. – А опасность... Мой напарник предупреждал, чтобы я не надевал его на палец... Ну, я этого и не делал!

– А с чем связано такое предостережение?! – немедленно вцепился в ответ француз. Ученые обычно не задают вопросы так точно и цепко – это прерогатива сыщиков. Иван уже пожалел о своей откровенности. Но надо было выкручиваться.

– Просто, когда-то одна старейшая сотрудница Эрмитажа примерила это кольцо, а снять не смогла, так и ходила несколько дней... Пришлось всем понервничать – ведь это дорогой предмет, включенный в опись экспонатов... Он должен находиться в музее, а не в частном владении. Даже временном!

– И как же удалось вернуть его на место? – с жадным любопытством расспрашивал Бланше.

– Поддержала руку в холодной воде, намазала мылом – так и сняла!

Это была спасительная ложь. Перстень буквально вцепился в палец, его не удавалось даже распилить – ножовка не оставляла следов на неизвестном металле. Только когда Мария Спиридоновна, интуитивно догадавшись, пошла в церковь, он сам соскочил с руки... Но ученый из СССР, атеист и член партии, не мог рассказать противоречащую идеологическим стандартам правду! Тем более что старушка перед этим действительно держала руку в ледяной воде и мазала палец мылом. Так что он не очень сильно погрешил против истины...

Но француз не отставал.

– Вы установили, что этот перстень принадлежал Иуде, ведь так?

«Да что ты привязался, как репей!» – раздосадованно подумал Трофимов, но сохранил спокойный тон и даже снисходительно улыбнулся.

– Это наиболее часто задаваемый вопрос, который мне совсем недавно задавали юные студенты. Перстень так называют потому, что внутри есть имя Иуды, но реальность и Библия – разные вещи, поэтому я не могу ничего утверждать определённо... Как вы знаете, в первом веке нашей эры в Иудее это было распространенное имя.

Ответ был более обтекаемый, чем те, которые он давал дома. Потому что мировая наука считала принадлежность перстня установленной достаточно точно, и опровергать это значило разрушать фундамент собственных научных достижений. Но и открыто соглашаться он не мог: вряд ли Иван Иванович одобрит такое идеологическое предательство! А в том, что он узнает о происходящем в этом зале, Трофимов был уверен. Правда, не знал – каким образом, но не сомневался, что это произойдет. Он думал, что теперь Бланше вцепится в него мертвой хваткой, как бульдог, но, к его удивлению, француз, наконец, удовлетворил свое любопытство.

– Спасибо, мистер Трофимов! Я надеюсь, у нас ещё будет времени поговорить!

«Иди ты к чёрту, надоел!» – подумал в сердцах Иван Родионович, кивая с доброжелательной улыбкой. И тут же пожалел о своей несдержанности: кто на Святой Земле поминает нечистого, тот сам может с ним встретиться!

– Конечно, буду рад обсудить с вами все вопросы! – исправился он, и тут же атеистическое воспитание взяло верх, и предыдущая мысль показалась просто глупой.

Еще один вопрос задал черный американец Френсис Купер:

– Как представитель страны господствующего атеизма представляет себе современный ад? – спросил он, многозначительно улыбаясь. – Верит ли он в то, что изображено на тысячах картин: кипящие котлы с грешниками и рогатые хозяева, мучающие тех, кто в них не поместился?

– Атеисты не верят в ад, уважаемый коллега, – тонко улыбнулся в ответ Иван Родионович. – Но, абстрагируясь от реальности и просто анализируя произведения известных художников, должен заметить, что архаика средних веков, нашедшая отражение в знаменитых полотнах, отражает представления того времени. Сейчас мне была бы ближе космогоническая картина нынешнего знания: бесконечное пространство Вселенной, гравитационные поля, белые карлики, черные дыры, галактики, между которых, «в кротовых норах», может таиться все, что угодно. Но я уверен в том, что это «что угодно» должно быть основано на научном знании!

Он замолчал, а зал разразился аплодисментами.

* * *

После основных докладов объявили перерыв до завтра. Улыбающийся Соломон Гонтмахер подошел к столу президиума.

– На сегодня у нас запланирована обзорная экскурсия по городу и посещение старого города, где вы увидите замечательные памятники Святой Земли! – торжественно сообщил он. – А в полночь в Храме Гроба Господня состоится Божественная литургия...

– Спасибо, Соломон! – произнес профессор Бреннер. – Мы с мистером Крайтоном бывали здесь много раз. – Если не возражаете, мы отправимся по своему маршруту? Кстати, можем взять с собой и мистера Трофимова!

– Я с удовольствием присоединюсь, – кивнул Иван.

– Разумеется, вы вольны в своём выборе! – развел руками Соломон. – Желаю хорошо провести время. Если устанете, в семь у Дамасских ворот старого города будет ждать автобус, он привезет вас сюда. Если припозднитесь, лучше взять такси. Хотя после литургии автобус будет на том же месте.

На выходе из зала к ним подбежал Бланше.

– Возьмите меня с собой! Не люблю ходить в толпе!

– Пожалуйста, коллега, – кивнул Крайтон. Бреннер молча улыбнулся. Трофимову привязчивый француз не нравился, но он тоже изобразил приветливую улыбку.

В старом городе было, как всегда, многолюдно. Разномастно одетые туристы, паломники в строгих одеждах, на удивление много молодых парней и девушек в военной форме цвета хаки. Хотя, судя по свободному поведению и любопытному вниманию к окружающей обстановке, солдаты находились в увольнении, все они, включая девушек, были при оружии: тяжелые автоматические винтовки, некоторые с подствольными гранатометами, висели на плечах, иногда почти касаясь стволами земли. Особенно удивило Трофимова, что к оружию на специальных зажимах были пристегнуты магазины с патронами. Но его спутники не обращали на это никакого внимания, и он не стал выражать свое удивление вслух.

Ученые неспешно шли по узкой улице, вымощенной светло-коричневым камнем, стоптанным подошвами сотен тысяч ног. С двух сторон бесконечными рядами тянулись лавки и магазинчики, торгующие сувенирной продукцией, религиозной атрибутикой, национальной одеждой и всякой всячиной, на которую так падки туристы.

Крайтон уверенно рассекал толпу, одновременно выполняя функции гида:

– Здесь расположились церкви всех основных христианских конфессий: свои храмы есть и у католиков, и у православных, и у протестантов, и у коптов, и у сирийцев, – говорил он, оборачиваясь на ходу. – Главную святыню христианского мира, Храм Гроба Господня, делят между собой православные, армяне, копты, эфиопы и католики. У каждой из этих конфессий есть свой алтарь и свои часы

для молитвы.

– И все прекрасно уживаются между собой, – добавил Бреннер. – Это прекрасный пример торжества толерантности!

– Не соглашусь с вами, коллеги! – с непонятной улыбкой вмешался Бланше. – Нет в мире города, который был бы причиной стольких войн, как Иерусалим!

Англичанин и немец переглянулись.

– Гм... Пожалуй, тоже правда!

Наконец, они добрались до Храма Гроба Господня. В это время шло сразу несколько богослужений разных конфессий, и кроме греческого пения учёные услышали доносившееся из соседнего коптского храма звуки барабанов и бубнов.

– Фантастишь! – произнёс француз по-русски. – Я находиться здесь первый раз... И мне нравится...

Спутники Трофимова поставили свечи и помолились, он тоже поставил свечу, но, поскольку молитв не знал, просто сосредоточенно помолчал. Они прикоснулись к Камню Помазания, постояли на Голгофе, хотя она находилась в храме и мало напоминала гору.

«Наверное, тысячелетия сравнивали ее с землей», – подумал Трофимов. На него посещенные места произвели сильное впечатление и вызвали чувства, которые явно не должны были найти место в душе атеиста. Но сейчас он вдруг ощутил, что это действительно святые места и то, что подвергала критике атеистическая пропаганда, имело место в действительности! И это открытие потрясло его до глубины души!

На обратном пути они зашли в сувенирный магазинчик. Немец, англичанин и француз купили иконки, в которые были встроены крохотные пробирочки с маслом и ладаном. Трофимов не осмелился сделать такую покупку. Его внимание привлекла монета: на одной стороне изображён профиль властного мужчины с мощной шеей, волевым, выдвинутым вперед подбородком, большим плоским

носом боксера и в лавровом венке. На противоположной стороне орел, но не воинственный – с угрожающе раскинутыми крыльями и мечом или копьем в когтях, а вполне мирного вида – крылья сложены, мощные лапы наступают на какой-то колосок.

– Это Тирский шекель, – заметив его интерес, пояснил на чистом русском языке продавец – немолодой мужчина с залысинами и черными усиками. Наверняка, пару лет назад он жил где-то в Одессе. – Видите, там написано «Тир». Это такой древний город...

Вот оно что! Про Тирский шекель Иван слышал, но никогда не видел. И сейчас остро захотел купить его копию. В отличие от икон, приобретать сувенирные монеты коммунистическая идеология не запрещает!

– А на обороте кто? – поинтересовался Трофимов, крутя серебристый кружочек в руках.

– Это мэр Тира! – уверенно, со знанием дела сообщил бывший одессит.

– Какой мэр? Тогда и мэров-то не было!

– Какая разница! Главный в городе всегда был. Вот он и есть.

– Сколько стоит?

– Четыре тысячи долларов.

– Сколько?!

– Четыре тысячи долларов, – невозмутимо повторил бывший соотечественник.

Трофимов ошеломленно потряс головой. И дело не только в том, что на эту поездку ему было выделено ровно 87 долларов. Дело в том, что выставленные на прилавках товары были рассчитаны на массового туриста и стоили соответственно. Ни у одного из заходящих сюда покупателей заведомо не могло быть в кармане такой суммы. Да и вообще не могло быть – ни на кредитной карточке, ни в чековой книжке, ни в дорожных чеках. Ведь завсегда и мировых

аукционов антиквариата сюда вряд ли заглядывали...

– Да вы что?! За что столько?!

– Так это же древняя вещь! – удивился продавец. – Ей почти две тысячи лет! Это одна из тех монет, которыми заплатили Иуде за предательство!

– Какие две тысячи лет?! Это современная работа! Сувенир!

– Нет, нет! Это подлинник! – горячо возражал черноусый. – На подделках нет названия города. А здесь видите – вот оно!

Трофимов всмотрелся. «ТУР»

– Написано с ошибками! Смесь английского и русского! Да и новодел сразу виден: идеальная окружность, окантовка, мелкие буквы, тонкая проработка рисунка... В начале эры таких штампов не было, ее просто не могли отчеканить в то время!

Их диалог привлек внимание спутников, они подошли, осмотрели предмет спора.

– Это Мелькарт, Бог финикийцев, покровитель ливанского города Тира, – сказал профессор Крайтон, покрутив монету в руках. – И конечно, это подделка.

За версту видно.

– Самая настоящая! – продолжал отстаивать свою позицию продавец. – Клянусь репутацией!

– В этом случае на нее должен быть сертификат, – с улыбкой прищурился Гарри Оливер Крайтон. – Когда и где найдена, кем произведена экспертиза соответствия, в каких музеях хранилась, кому и когда продана...

– Есть и сертификат, и мартификат, все есть! – бывший соотечественник явно утратил интерес к торговле, но, стараясь это скрыть, продолжал спектакль и повернулся к Трофимову.

– Вы откуда?

– Из Ленинграда.

– Хороший город, бывал там! – продавец кивнул. – Давайте сделаем так: я дам вам эту монету без оплаты. Везите ее в Ленинград, сделайте там самую строгую экспертизу. И когда убедитесь – переведете мне деньги! Согласны?

Говоря это, он спрятал блестящий кружочек под стеклянную крышку прилавка и защелкнул задвижку. Спектакль был закончен.

– Спасибо, вы очень доверчивы и великодушны! – Трофимов развернулся и вышел наружу, коллеги последовали за ним. Каждый держал в руках пакетик с сувенирами. Только он один так ничего и не приобрел.

– Купите мезузу, – предложил Манфред Бреннер, указывая на небольшие прямоугольные коробочки в витрине. – Внутри старинная иудейская молитва, оберегающая дом. Прибьете на дверь!

– Но я хотел именно тирский шекель! – разочарованно сказал Трофимов. – Он связан с моими мыслями и интересами...

Через десять метров они зашли в еще один магазинчик, но пробыли в нем лишь пару минут. Здесь за такую же монету продавец запросил уже пять тысяч долларов. Вопрос о сертификате он невозмутимо пропустил мимо ушей.

– Безумие какое-то! – возмущался Трофимов, идя по узкой улочке и уже не обращая внимания на торговые лавки по сторонам. – Ну, двадцать шекелей, ну тридцать! Почему они ломают такую цену за явную подделку? Даже не подделку, а очевидный сувенир!

– Наверное, местный менталитет, – пожал плечами Бреннер. – Однако я предлагаю оставить высоконаучные споры и зайти куда-нибудь пообедать!

– Я знаю неподалеку весьма приличное место! – сказал Крайтон.

Возражений не последовало, они пошли вслед за англичанином и вскоре сели за единственный свободный столик на открытой веранде небольшого ресторанчика, с которой открывалась прекрасная панорама старого города: тесное скопление бело-желтоватых старинных домишек, монументально-высокая Стена Плача и золотой купол мечети Аль-Акса.

– Какой прекрасный вид! – восхитился Трофимов, обводя рукой окрестности.

– Не сомневайся, он включен в цены, – сказал Лукас по-русски, Гарри Оливер и Манфред то ли поняли, то ли угадали смысл по жесту и с улыбками кивнули.

Шустрый официант мигом принес меню. Каждый сделал заказ на свой вкус, и вскоре на столе появились салат с курицей, оливки, бараний кебаб, жареные на огне баклажаны, филе говядины, хумус, ароматный соус и горячие лепешки. Выбор выпивки доверили Крайтону – он утверждал, что пробовал здесь раньше монастырское вино из кишмиша, способное конкурировать даже с сотернами родины Лукаса. Француз снисходительно улыбнулся, но возражать не стал.

– Пять тысяч долларов за сувенирную монету – это, конечно, безумие, – сказал он. – Но в те времена шекели были тяжеловесные, тридцать монет – приличные деньги... Это достаточная цена, Гарри Оливер?

Но Крайтон набросился на еду и только пробурчал в ответ что-то неразборчивое.

– Вы не первый, кто задает этот вопрос, – пришел англичанину на помощь Трофимов. – Очевидно же, что ответ зависит от того, кто и как к этому относится, богат он или беден... Кому-то тридцать тирских шекелей кажутся ничтожно малой суммой, а кому-то – огромной. К тому же Иуда, может, сделал это вовсе не из-за денег...

– А из-за чего тогда?

– Зависть, ревность, ненависть... Я не знаю! Просто как вариант.

Официант принёс грубую треугольную бутылку из толстого стекла, на простой белой этикетке нанесены красным неровные надписи на иврите. Густо-красная ароматная жидкость полилась в бокалы, и разговор на некоторое время

прекратился.

– Да, вино хорошее, – пригубив, сказал Трофимов.

Лукас молчал, но с одобрительным видом повертел бутылку в руках.

– Бутылки тоже в монастыре делают, – заключил он. – Но вино им удастся лучше. Конечно, с сотерном оно не сравнится, хотя...

– А на мой взгляд, десертное вино не подходит к основному блюду, – пробурчал Бреннер, налегая на кебаб.

Некоторое время ели молча, официант подливал вино, и оно быстро закончилось, пришлось заказать вторую бутылку. На веранду вышел хозяин заведения – лысый мужчина лет сорока пяти с заметным брюшком. Он обошел столики, приветливо здороваясь с посетителями и осведомляясь, все ли довольны кухней и обслуживанием. Судя по ответным улыбкам, всё было в порядке, он тоже довольно улыбнулся. Под короткой курткой на поясе у него висел пистолет.

– Здесь все вооружены! – не удержался на этот раз Трофимов.

– Сложная обстановка, – пояснил Бреннер. – Терроризм, нападения, похищения людей...

Снова за столом наступила тишина: ели молча, и даже чокались без тостов. Наконец, Крайтон отодвинул тарелку, промокнул губы салфеткой и откинулся на спинку стула. Любой профессор, насытившись и выпив, любит поговорить и поучить кого-нибудь уму-разуму. Особенно, когда вопрос уже задан.

– А скажите мне, любознательнейший Лукас, что такого вообще сделал Иуда?

– Как что? – вытаращил глаза Рене. – Он же предал Учителя!

– Тем, что указал на него поцелуем? Можно подумать, что без него никто не знал Иисуса! Он открыто вошел в город, открыто проповедовал, открыто совершал чудеса, не скрываясь, встречался с учениками и гулял в Гефсиманском саду... Идите и берите его без всяких поцелуев!

– А ведь действительно! – воскликнул Трофимов. – Предают, когда тайное делают явным. А если все и так очевидно, то как можно предать?!

Крайтон довольно кивнул.

– К тому же Иуда объяснял, что выполнил волю Учителя. Тот сам хотел, чтобы случилось то, что случилось...

– Чувствую голос знатока «Евангелия Иуды»! – рассмеялся Бреннер, поднимая бокал. – Но оно не канонизировано. Так что, ваш первый аргумент убедительнее второго! Хотя и второй мало значит: простая логика не может опровергнуть многовекового убеждения. Даже если оно ошибочно!

Профессора чокнулись и выпили. Бланше потянулся бокалом к Трофимову, они тоже чокнулись.

– За науку! – произнес Иван. Француз удивился, но выпил без задержки.

– Кажется, на конференц вы отвечать мой вопрос не совсем так, как думаете, или я ошибаться? – спросил он.

Трофимов неопределённо пожал плечами. После второго бокала у него исчезло чувство неприязни к Лукасу. Теперь ему было лестно, что француз так искренне интересуется его научной деятельностью, захотелось даже как-то извиниться за холодные ответы. Хотя извиняться не за что – он отвечал так, как должен отвечать советский учёный, тем более – член партии. Но здесь ресторан, а не зал конференции...

– Перстень этот, конечно, особенный, – сказал Иван. – Энергетика бешеная, обжигает руку! И это далеко не все...

Он перехватил заинтересованные взгляды Крайтона и Бреннера, и с воодушевлением продолжил:

– Я ведь проследил путь этого перстня в нескольких веках. Любое заметное явление оставляет во времени метки, и за ним тянется длинный след, надо только его найти... Не простая это штука, ох непростая! Он судьбами людскими

играл. Сначала приподнимет человека, вознесет... А потом – бац! И размажет в лепешку...

– Подождите, подождите! – оживился профессор Крайтон. – Гэйбл Харрис говорил мне что-то подобное! Ученик мой, Гэйбл! Он пишет диссертацию про историю королевского пирата Френсиса Дрейка. И там тоже фигурирует очень непростой перстень!

– Очень интересно! – Трофимов чуть не вскочил с места. – Расскажите подробнее!

Крайтон пожал плечами.

– Да я не вникал. Так, услышал краем уха... Если интересуетесь, я Гэйбла расспрошу и напишу вам письмо.

– Буду очень благодарен! – с жаром воскликнул Трофимов. – Очень!

– Возможно, самовнушение, – неожиданно сказал Бреннер. – Этот жар от перстня... Да и вообще... Мало ли в жизни совпадений!

– Поэтому я обычно и не рассказываю о таких вещах, – вздохнув, ответил Иван. – Чтобы меня не сочли сумасшедшим...

– Нет, нет, я вас очень хорошо понимать! – живо заговорил Бланше, от волнения коверкая слова больше обычного. – Рассказывайте, прошу!

Но было поздно: желание выложить всю правду о перстне у Трофимова уже пропало. Он вообще жалел, что сказал лишнее. Это все вино!

– Да нечего рассказывать! – ответил он. – Я всё уже рассказал.

Бланше укоризненно посмотрел на немца, но тот как ни в чём не бывало отправил в рот очередной кусок говядины.

Разговор больше не клеился. Предложение Лукаса взять ещё вина компания не поддержала, и вскоре трапеза была окончена.

– Поедем в гостиницу, отдохнём? – предложил Крайтон, когда они вышли на улицу. – Я уже еле на ногах стою. Ночью-то, считай, не спали.

– Да, это правильно! – поддержал Бреннер. – Я тоже с ног валюсь! А если такси брать, то на нескольких человек проезд разделим...

– Тогда и я с вами, – вызвался Лукас.

Все трое направились к выходу из старого города. Трофимов остался на месте.

– Вы не пойдёте? – обернулся Крайтон.

– Я не устал, – ответил Иван. – Хочу пройтись, подышать воздухом легенд, потрогать знаменитые камни...

– Молодость, молодость, – с сожалением сказал англичанин. – Когда-то и я не уставал и хотел новых впечатлений.

Проводив коллег взглядом, Трофимов с удовольствием нырнул в лабиринт узких улочек, жадно впитывая атмосферу столицы трех религий.

Глава 3

Встреча у Храмовой горы

Солнце уже клонилось к закату, когда Трофимов вышел к раскопкам у подножия Храмовой горы. Он читал, что где-то здесь находился дом тамплиеров, и несколько лет назад тут обнаружили захоронение рыцаря в доспехах и с мечом, пролежавшего в земле тысячу лет. Он спустился в котлован и медленно двинулся между каменными руинами. Некоторые стены в большей или меньшей степени сохранили свою высоту, обрисовывая внешний вид домов, другие почти сравнялись с землей, позволяя определить только периметры жилищ.

Неожиданно всплыло в памяти воспоминание детства – игрушечный домик, из окон которого выглядывали Ниф-Ниф, Нуф-Нуф и Наф-Наф. Поросята были нарисованными, но маленький Ваня решил, что внутри они настоящие и живут своей сказочной жизнью: едят за столом в столовой, спят в спальнях в своих кроватках, играют в игрушки... Вооружившись стамеской, плоскогубцами и изрядно повозившись, он все же сорвал с поросычьей избушки крышу и очень разочаровался: там не было ни поросят, ни стола, ни кроваток, – вообще ничего! Только стены... Здесь тоже великан по имени Время сорвал крыши с древнего городка, выставив наружу внутренности старинных жилищ – в некоторых сохранились перегородки, разделяющие маленькие комнатки, в некоторых было так же пусто, как в избушке трех поросят...

Бродя среди развалин, остатков чудом сохранившихся изящных крутых мостиков, которые когда-то соединяли улицы, а сейчас просто позволяли любоваться мастерством архитекторов, создавших вроде бы невесомые, а на самом деле такие прочные конструкции, Трофимов ощущал прикосновение к событиям, в которых участвовал таинственный перстень...

– Иван Родионович! – вдруг услышал он фразу на чистом русском языке и с изумлением обернулся. В сгущающихся сумерках он увидел странно наряженного незнакомца: в облегающем камзоле, накидке, шляпе с петушиным пером и при шпаге с выгнутым эфесом. У него был крючковатый нос и ярко блестящие, как будто горящие огнем, глаза. Сумерки не мешали рассмотреть незнакомца, как будто его освещали театральные софиты, спрятанные за кулисами и направленные на неожиданно появившегося главного героя.

– Угостить вас? – странно наряженный человек протянул руку, в которой лежало крупное румяное яблоко.

– Гм... Символ первородного греха? – сказал Трофимов первое, что пришло в голову. – Спасибо, я сыт.

– Никогда не отказывайтесь, Ивана Родионович: второй раз могут и не предложить! – незнакомец подбросил яблоко вверх и, выхватив шпагу, ловко рассек его в воздухе, так что в стороны полетели сочные брызги. Одну половинку он насадил на острие клинка и протянул Трофимову, а вторую поймал рукой и смачно откусил.

«Циркач! – с облегчением подумал доцент. – Это фокусник с плаката Советского цирка!»

Иван Родионович снял со шпаги угощение, удивляясь, как фокусник ухитрился протянуть руку через добрые пять метров разделяющего их пространства. Удивился он и тому, что половинка яблока оказалась тяжелой и твердой, а на срезе искрилась каменными кристалликами...

«Как же он ест камень?! И как смог его разрубить?!» – всполошённо бились в голове трезвые мысли.

И тут же Трофимов с пугающей ясностью понял, что никакого отношения к Советскому цирку незнакомец не имеет, и никакие это не фокусы! Да и как циркач мог здесь оказаться? И откуда он знает его имя-отчество?

Тем временем незнакомец доел свою половину яблока, отбросил огрызок в сторону.

– Что касается символа первородного греха, то вы ошибаетесь, уважаемый Иван Родионович! – как ни в чем не бывало продолжил он беседу. – В Библии говорится о безмянном плоде с Древа познания. Но согласитесь: невозможно изобразить абстрактный плод! Вот художники и придумали яблоко... Лукас Кранах, Альбрехт Дюрер, Тициан, да мало ли кто еще... И, как всегда, соврали: шесть тысяч лет назад, в Междуречье, где находился райский сад, яблоки не росли! Как, впрочем, и смоква, фи́га, инжир и гранаты... Древние шумеры пробавлялись исключительно финиками! На этот счет идут споры до сих пор, но вы мне поверьте – уж я-то знаю!

– Кто вы?! – с трудом выговорил Трофимов.

Незнакомец отмахнулся.

– Об этом поговорим чуть позже. Я хочу исправить несправедливость, с которой вы столкнулись в лавках обмана и порока, где хитрые и алчные гиены пытались всучить жалкие подделки по цене настоящих монет... А я просто подарю то, к чему лежит ваша душа...

Незнакомец бросил что-то, тонко звенящее и крутящееся, а Трофимов неизвестно каким образом это поймал. Только герои кинофильмов умеют так ловко хватать на лету патрон или монету! Он разжал кулак. Это действительно была монета, напоминающая ту, из сувенирной лавки. Только в полтора раза больше и тяжелее, да исполненная совсем по-другому: неровный круг, кант только с одной стороны, профиль Мелькарта не в центре, а во весь аверс, причем настолько крупный, что даже часть лаврового венка не уместилась в нем, трещинки по окружности... Грубость изображения придает монете вид кустарной самоделки. Но именно это убеждает в ее подлинности: в начале нашей эры именно такими были вышедшие из-под грубого чекана монеты...

– Это... Это настоящий тирский шекель? – облизнув пересохшие губы, хрипло спросил Трофимов. У него смешались мысли, и он потерял ощущение реальности. Насколько нереальным было все происходящее.

– Конечно! – кивнул незнакомец. – Точно из такого я изготовил перстень, который подарил Иуде!

– Кто вы?! – как зачарованный повторил Трофимов.

– Думаю, вы догадываетесь, – тонко улыбнулся незнакомец. – Нет, я даже уверен, что вы точно знаете! Недаром вы так долго и подробно изучаете мой перстень!

– Значит, вы...

Незванный гость предостерегающе поднял руку.

– Не надо! Обычно я представляюсь скромно: граф или барон. Джонсон, Терплиц, Меньшиков: фамилия может быть любой – люди уже забыли подлинных графов... Если угодно, можете звать меня барон Нортон.

Трофимов растерянно молчал.

– Ваше выступление на этом научном шабаше было ложью, – продолжил «барон Нортон». – Мне понравился ваш ответ на последний вопрос, он был дан от души, без необходимости врать, чтобы замаскировать подлинные мысли. И, надо

сказать, вы попали в точку! В ресторане вы немного расслабились – казалось вино или хорошее настроение, – и стали более откровенны. Но я не совсем понял смысл вашего ученого спора, хотя некоторые детали меня очень интересуют...

Незнакомец говорил так, будто он присутствовал и на конференции, и в ресторане, внимательно слушая их разговоры.

– Особенно меня интересует: много это – тридцать тирских шекелей, или мало за то, за что они были уплачены? Скажи откровенно свое мнение, нас никто не слышит, – он отбросил официальный тон.

– Конечно, ничтожно мало! – возмущенно воскликнул Трофимов, удивляясь сам себе. Точнее, тем словам, которые неслись из самой глубины его души и которые он никогда бы не произнес вслух! – Цена вола за Спасителя человечества, которого любят все жители Земли! Да и сама постановка вопроса о соразмерности цены безнравственна и цинична!

Незнакомец отмахнулся.

– Ерунда! Совсем недавно, лет двести назад, я уже говорил на эту тему с графом Опаловым. Вы знаете его историю. Граф обладал перстнем, но я посоветовал от него избавиться, что он и сделал, хотя и не по своей воле... Ну, да вы раскопали, что было дальше...

Трофимов кивнул.

– Так вот, ни граф, ни вы, господин доцент, ничего не знаете о чувствах, которые вызывал мой антагонист! Его вовсе не так любили, как принято считать. Тем более что с веками, я уже не говорю о тысячелетиях, интерпретация этой любви кардинально менялась...

– То есть?

– Люди получают впечатления о прошлом, особенно о далеком прошлом, из книг, картин, поэм... То есть, питаются плодами интерпретации, которые готовят для них писатели, художники, поэты!

Незнакомец поморщился.

– Я лично стал жертвой старика Гете: он описал мою внешность, придумал этот вычурный наряд, который я теперь вынужден носить, чтобы не нарушать естественность восприятия... «Камзол из кармазина с золотой ниткой, петушиное перо...» Тьфу!

Он сплюнул на старинный камень, и от него с шипением пошел дым.

– Впрочем, я-то знаю, как обстоит дело! Но как быть с сотнями миллионов человеческих существ, которые вводятся в заблуждение представителями художественной богемы?

– О любви к Нему? Вы это имеете в виду?

– Именно это, Иван Родионович, именно это! Ведь не кто иной, как эти «любящие» люди отправили Его на крест, это исторический и совершенно непреложный факт, коему я сам являлся очевидцем! А перед казнью жестоко мучили и избивали! Художники, правда, внесли немало путаницы в изучение истории, но наглядности изображения у них не отнимешь... Посмотрите, какие рожи изобразил Матиас Грюневальд в «Бичевании Христа»: тут и человек-крыса, и просто дегенеративные ублюдки – дети пьяных ночей... Если все это есть выражение любви, то тогда я не знаю, что такое выражение ненависти и злобы! Согласны?

Не дождавшись ответа, он продолжил:

– Любовь появилась уже тогда, когда все было кончено и Его, мертвого, сняли с креста. И появляется она тоже благодаря стараниям живописцев! Некоторые изображали торжественное отпевание на фоне всеобщей скорби: тут и верные ученики, и монахи, и дамы в таких дорогих нарядах, какие могли носить только жены первосвященника Каифы и прокуратора Пилата, если бы они у них были... Я спросил Петера Корнелиуса: неужели ты думаешь, что казненного преступника, а именно преступником считался Он в тот момент, торжественно отпевали дамы высшего общества? И что это происходило публично, при свете дня и большом скоплении народа? Но ведь это глупость чистой воды!

– И каков был ответ?

– Художник не стал меня слушать. Может, оттого, что я явился к нему по-свойски, без этого костюма и грима... Бедняга побледнел, затрясся, принялся креститься и читать молитву... Мне пришлось срочно уйти.

– Не все картины имеют такую направленность, – возразил Трофимов.

– Другие художники были более реалистичны: несколько учеников, крадучись в ночи, уносят тело с места казни... Это более логично и похоже на правду, особенно для тех, кто не знает, как обстояло дело в действительности. А на самом деле было еще хуже: никакой торжественности, ночь, и бездыханное тело нес всего один человек. Один-единственный – Иосиф из Аримафеи! Впрочем, посмотрите сами на эту любовь!

Незнакомец щелкнул пальцами, будто выключателем. Сумрак вокруг сменился каким-то голубым свечением, и возникла картина жуткая в своей реальности и глобальной значимости, ибо он сразу понял, что ему хотят продемонстрировать. Какой-то несчастный избитый человек, презираемый улюлюкающей толпой, был повержен наземь, распростерт на деревянном перекрестье, и в его руки и ноги были вбиты большие железные гвозди. Смотреть на это Ивану было невыносимо тяжело, но отвернуться ему не давала неведомая сила. Страдания этого несчастного были ужасны. Но еще ужаснее было поведение людей, точнее толпы. Он не увидел ни одного сочувствующего, ни одного сопереживающего, ни одного, готового хоть словом или жестом поддержать обреченного. Только любопытство, только страстное желание увидеть страдания другого – вот что было написано на лицах черни.

Изображение подернулось голубой дымкой, и все это ужасное действие стало исчезать, как мираж.

– Ради кого он решил пойти на эти муки? Ради этой толпы людей, в которой не было ни одного Человека? И чему научила эта великая жертва людей? Вере? Состраданию? Самопожертвованию? Нет! Они взяли на вооружение лишь формы пыток, унижения и причинения страданий. И в том преуспели! То, что вы сейчас делаете с себе подобными, поражает воображение. Он вряд ли бы смог перенести утонченные истязания, которым вы подвергаете друг друга, зачастую прикрываясь Его именем...

– И что же?

– Ничего. Это подтверждает отсутствие всеобщей любви к Нему. Зато теперь у него тысячи и тысячи верующих. О чем это говорит? Только о лицемерии и ханжестве! Этот перстень – испытание всего человеческого рода. И я слежу, как он идет по векам, переходит из рук в руки, как действует на слабых людишек... И вы мне помогаете, выкапывая из глубины веков давно забытые факты и доводя их до всеобщего сведения...

– Значит, профессор Сомов был прав, когда назвал меня вашей ищейкой? – убито спросил Трофимов.

– Ну, почему ищейкой? На любую вещь можно приклеить порочащий ярлык... Вы исследователь, выполняющий важную научную работу. Которая, кстати, хорошо оплачивается! Вы уже кандидат наук, доцент, а будете доктором, профессором с мировой известностью! Хороший доход, замечательная квартира, отличная семья... Разве плохо? От вас не требуется ничего гадкого и постыдного, просто занимайтесь своим делом, которое вам по душе! Копайте глубже, выявляйте новые факты и доводите все это до сведения широкой общественности!

– Но почему именно я?! Неужели не нашлось кого-то другого?! – в отчаянии воскликнул Иван Родионович.

«Барон Нортон» церемонно развел руками.

– Увы! На ваше место, представьте, не нашлось!

– Но почему? Неужели я больше подхожу для... – Иван замешкался, подбирая нейтральное слово, но не нашел. – ... для вас?

– Наоборот, – вы для меня совсем не подходите! Есть очень много мерзавцев, расхитителей, развратников, пьяниц, в которых легко вселиться навсегда – мы называем их «носителями»... Они охотно делают все, что мы хотим и даже больше, уже по своей сволочной натуре – действуют избыточно: совершают подлости, вносят рознь между людьми, затевают войны, строят концлагеря, преследуют еретиков, хотя теперь их называют по-другому... Но вся эта пена человечества не может созидать, делать открытия, добиваться успехов в науке или искусстве... Они способны только приносить вред и возвышаться за счет унижения других... А вы не годитесь на роль «носителя», но зато способны

выполнить ту работу, которая мне нужна...

– Гм... Если это комплимент, то сомнительный...

– Ну, почему же... Многие наши на постоянно поселяются в своих «носителях» – конечно, выбирают тех, у кого люксовые условия жизни... Считают, что летать в самолетах легче и комфортней, чем на собственных крыльях, что удобно, когда тебя переносят туда, где есть скопление подходящих для работы объектов, где тебя обслуживают не замордованные грешники с ободранной кожей, а вполне приличные референты и очень даже симпатичные секретарши... Но получить от этой публики светлую мысль, умное предложение, полезную подсказку – невозможно! А я выбрал для сложной и важной работы именно вас!

– Ну, не знаю... А что, выходит, вы пользуетесь только элитой?

– Конечно нет! Есть много человечков низшего ранга, которые не принимают политических решений и не способны начинать войны, а могут только гибнуть в них. Им можно давать разовые задания, они выполняют их, даже не подозревая, что ими кто-то управляет. Наши детки...

– Бесенята?

– Это некорректное название. Дети везде дети, они склонны к шалостям и баловству... Так вот, они вселяются в маргинальную публику: пьяниц, слабовольных, с подорванной психикой... Войну такой не начнет, а вот ударить соседа бутылкой по голове или воткнуть нож в случайного прохожего, – это вполне... Мы, вообще-то, против таких мелких злодейств и их осуждаем. И против крупных злодейств тоже, если они не исходят от нас и не преследуют каких-то конкретных целей...

– То есть, вы за порядок и справедливость? – саркастически спросил Трофимов.

– Ну, в общем, да...

Яркий свет ударил словно с небес.

– Полиция! Стоять на месте, поднять руки! – раздался сверху требовательный окрик профессионально грубым голосом.

Вокруг было темно, луч от мощного фонаря слепил глаза, и Трофимов прищурился. Он осмотрелся по сторонам, но кроме него вокруг никого не было. Он не мог понять, что происходит и где он находится.

Окрик повторился, теперь на иврите и другим голосом, который, впрочем, не казался менее требовательным или более вежливым. Но смысл, несомненно, был тем же. Второй световой луч медленно ощупывал окрестности, выхватывая из мрака стены разрушенных сооружений прошлых веков. Иван поднял руки и тут же вспомнил все, что с ним происходило. А где же его недавний собеседник? Неужели прячется в этих древних развалинах? Но зачем ему скрываться? Ведь они не сделали ничего противозаконного! А побег одного от полиции дает основание заподозрить второго в связях с преступниками... Или, что еще хуже, с арабскими террористами или шпионами! Здесь это запросто! А чем это обернется для ни в чем не виновного советского ученого?!

Освещенные светом фар, два мужских силуэта на краю котлована резко махали руками и что-то грозно кричали на иврите. Похоже, требовали подняться наверх. Один из них держал наготове автомат. Трофимов поднял руки еще выше.

– Я советский ученый! У меня нет оружия! – крикнул он и, оскальзываясь, с трудом стал подниматься по склону. – Уберите, пожалуйста, фонарь!

Как ни странно, его послушали, и луч света опустился, освещая ему дорогу. Несомненно, это был жест доброй воли, и Трофимов приободрился.

– Я советский ученый, – повторил он, с трудом выкарабкавшись из котлована и подходя к полицейским. Они были в черных брюках, синих форменных рубашках и кепках с надписью «Полиция» на английском и иврите. Кроме автоматов в руках, на поясах висели большие пистолеты в открытых кобурах, наручники, баллончики с газом, фонари и дубинки. Они напоминали хорошо снаряженных водолазов, опустившихся в чуждый и враждебный, смертельно-опасный мир.

– Сержант Гельман, иерусалимский округ полиции! – представился по-русски тот, что был повыше. – Что вы здесь делаете?

Его напарник подал знак рукой, и стоявший в нескольких десятках метров полицейский автомобиль подъехал поближе.

– Я участник международной конференции, проводимой Иерусалимским университетом... Сегодня я выступал с докладом...

– Боюсь, что тут уже несколько веков никто не выступал, – сержант указал на темный провал. – Где же ваши слушатели?

– А, ну да, конечно. Разумеется, конференция была в университете. Здесь я просто гуляю.

– С вами кто-то был?

«Может, они его не видели?» – с надеждой подумал Иван. Он понял, что рассказ о его собеседнике – это прямой путь в сумасшедший дом.

– Нет, никого, – ответил он.

– И у вас есть с собой документы?

– Да, конечно! Сейчас...

Трофимов достал из внутреннего кармана загранпаспорт и протянул его полицейскому. Тот бегло взглянул в документ и закрыл его, но владельцу не вернул.

– Странное время и место для прогулки! – сказал он. – Разве организаторы конференции вас не проинструктировали, как себя вести на Святой Земле? Вы с кем-то встречались здесь?

– Нет, нет! – поспешно ответил Иван. – С кем я мог встречаться? Я никого тут не знаю... Да и раскопки не место для встреч... Просто я историк, старинный город меня заинтересовал...

Он понимал, насколько неубедительна его речь, но что оставалось делать? Даже более мелкие недоразумения в загранкомандировках порой ставили крест на

карьерах учёных. И не только учёных.

– Когда я спустился туда, было еще светло, но я так увлекся, что не заметил, как пробежало время... Я ничего плохого не сделал!

Даже самому себе голос показался противным: каким-то виноватым и жалобным.

– Вам придётся проехать с нами в участок! – решительно объявил сержант Гельман. – Возможно, там вы сможете более внятно объяснить, чем занимались ночью в археологических раскопках!

– Зачем в участок? Я же все рассказал... Отвезите меня в кампус, там подтвердят мою личность... Профессор Крайтон, профессор Бреннер – это ученые мирового уровня, они мои друзья...

– Оружие есть? – перебил сержант. – Колющие, режущие предметы?

Его напарник, не дожидаясь ответа, подошёл к Ивану, знаком приказал поднять руки и быстро обыскал, похлопывая по одежде сверху донизу и снизу доверху.

– Пройдите в машину! – вежливо, но настойчиво приказал сержант. Трофимов обречённо вздохнул и повиновался. Когда он сел в салон, полицейский придержал его голову, чтобы не ударился о кузов. Это был первый жест подневольности. Впереди их должно быть много. Когда дверца захлопнулась, Иван почувствовал, что домой он вернется не скоро...

Через десять минут машина остановилась у ворот полицейского участка, ограждённого по периметру высоким бетонным забором с вьющейся поверху спиралью колючей проволокой и прожекторами. Задержанного провели через КПП, и решётчатая дверь с противным лязгом закрылась за его спиной, словно подчёркивая призрачность свободы. Пройдя в сопровождении полицейских по небольшому коридору, Трофимов оказался в довольно просторном зале, разделённом почти пополам решёткой от потолка до пола. Здесь было светло. Справа за огромным стеклом дежурный разговаривал по телефону. Чем-то сильно воняло. Запах был такой, как от бродяг на вокзале. Трофимова чуть не вырвало. Сдерживая позывы тошноты, он огляделся и быстро нашёл источник зловония: за решёткой сидели на полу три худощавых юноши с длинными как у панков, давно не мытыми, лоснящимися от жира волосами. Кожа их была

смуглой то ли от природы, то ли от въевшейся грязи.

Щёлкнул электронный замок на решётчатой двери.

– Проходим, проходим! – поторопил сержант, прикрывая нос платком. – За дверь и направо!

Они снова оказались в узком коридоре, поднялись на второй этаж и остановились у двери одного из кабинетов. «Инспектор», – прочел Иван одну из двух надписей: на иврите и английском. Сержант постучал и зашёл внутрь, напарник остался с Трофимовым. Он стоял в двух метрах и внимательно следил за каждым движением задержанного. Через несколько минут дверь снова открылась, и сержант позвал их войти.

За столом в кабинете сидел седовласый полицейский в форме, по возрасту старше и солиднее Гельмана с напарником. Инспектор внимательно рассматривал раскрытый паспорт Трофимова, но на его владельца не обратил внимания, даже головы не поднял.

– Всё, что есть в карманах, выкладывайте сюда! – показал сержант на поднос на небольшом столике у стены.

Иван принялся выкладывать содержимое: носовой платок, чёрный кожаный кошелёк, маленькая расчёска в чехле, коричневый блокнот с вложенной шариковой ручкой...

– Вроде всё, – сказал он.

– Вроде? – подозрительно спросил сержант. – Я проверю!

– А, вот ещё...

Трофимов покопался в карманах и извлёк монету.

– Сувенир...

Сержант сразу помрачнел. На подносе лежала монета, но явно старинного чекана. Это было видно с первого взгляда: по неровностям и крупным деталям изображения, по состоящим из множества отдельных точек буквам, по изрядно побитому во многих местах буртику. Конечно, это чеканка первого века, когда еще не научились прорабатывать мелкие детали.

– Сувенир, говоришь? – перешёл сержант на «ты». – Кража антиквариата в раскопках – серьезное преступление, за это положено до десяти лет тюрьмы!

У Трофимова все заглодело внутри. Вот она, та провокация, о которой говорил Иван Иванович! А он, дурак, скептически относился к его словам!

«Сейчас составят протокол, вызовут консула и все...», – понял Иван Родионович. Его снова затошнило.

– Я не крал! – попытался оправдываться он, понимая, насколько это глупо звучит.

Но его уже никто не слушал. Зачем? Вот она, улика! Она перевесит тысячу слов!

Хозяин кабинета сказал что-то на иврите, встал из-за стола, взял с подноса тирский шекель, покрутил в руке, положил в массивный чёрный сейф, замкнул дверцу и спрятал ключ в карман.

– Вам придётся подождать! – снова перешёл на «вы» сержант.

– Консула? – обречённо спросил Трофимов.

Полицейский не ответил.

– В коридоре, – сказал он. – Выходите!

Все присутствующие вышли, и инспектор запер дверь на ключ.

– Можете посидеть, – сказал сержант, показав на несколько стульев у стены.

– А в туалет можно? – спросил Трофимов, подсознательно обрадовавшись, что его оставляют одного.

– Последняя дверь налево.

Полицейские удалились, по шагам было слышно, что они спустились на первый этаж. Трофимов тут же направился в туалет, подошёл к окну... На нем, конечно же, были решетки. Да если бы и не было... Территория огорожена, проволока, охрана... Да и бежать без паспорта... Или даже с паспортом... Куда? В посольство? Вряд ли там станут укрывать разыскиваемого преступника...

Помочившись, Трофимов вышел в коридор и стал медленно прохаживаться туда-сюда, заложив руки за спину: от волнения сидеть на одном месте он не мог.

Седовласый инспектор вернулся приблизительно через час. На этот раз без патрульных, зато с интеллигентного вида мужчиной в сером костюме и белой рубашке с распахнутым воротом. Инспектор отомкнул кабинет но, к удивлению Трофимова, заходить не стал, а сделал шаг в сторону.

– Прошу, Иван Родионович! – учтиво пригласил незнакомец в костюме. По-русски он говорил чисто и без акцента.

Они вошли, и штатский закрыл за собой дверь, оставив хозяина кабинета в коридоре. Значит, он главнее инспектора!

– Меня зовут Яков Аронович! – представился он. – Присаживайтесь, пожалуйста!

Что-то в его поведении и внешности настораживало Трофимова. И имя...

– Вы консул? – спросил он.

– Присаживайтесь, присаживайтесь, в ногах правды нет!

Иван скромно сел на стул у приставного стола. Яков Аронович занял место хозяина кабинета, взял со стола паспорт Трофимова, раскрыл, посмотрел и положил обратно.

– Нет, я не консул, – наконец ответил он. – Вам не терпится встретиться с консулом? Поверьте, ничего хорошего это вам не принесёт!

– Да... Я не тороплюсь, – растерянно произнёс Иван. – Просто я оказался в такой нелепой ситуации...

– Боюсь, вы не до конца осознаёте всю серьёзность сложившейся ситуации, если считаете её всего лишь нелепой!

Прищуренные глаза собеседника словно сверлили Трофимова насквозь. Ему было лет сорок. Короткая аккуратная стрижка, седина на висках, внимательный колющий взгляд... Иван не выдержал и опустил глаза.

– Я ни в чём не виноват, правда, – сказал он, как-то совсем по-детски.

– Все сначала так говорят. Глупо было бы сразу рассчитывать на откровенность: полицейский кабинет не исповедальня... Впрочем, постепенно многие прозревают и выкладывают всю свою подноготную. Кстати, вы знаете, что это такое? – Яков Аронович с любопытством рассматривал ученого. Так кошка рассматривает пойманную мышку.

Трофимов покачал головой. Сейчас ему было не до загадок.

– Подноготная правда – та, что получается под пыткой. Когда под ногти загоняют иголки.

Яков Аронович хмыкнул.

– Впрочем, полиция Израиля пыток не применяет. Почти не применяет, – тут же поправился он. – Я, конечно, не говорю о спецслужбах, действующих в боевых условиях. И в условиях, приближенных к боевым. Тогда, сами понимаете, – не до сантиментов... Однако правда, полученная слишком поздно, как правило, не помогает тому, кто ее раскрыл. Для обычного преступника она может только немного смягчить наказание. А какому-нибудь шпиону или террористу она не сможет вернуть потерянное здоровье или жизнь...

– Но я не шпион и не террорист, – глухо вымолвил Иван. Горло пересохло, и он с трудом проталкивал через него слова.

– Конечно! И я это хорошо знаю! – всплеснул руками Яков Аронович. – Но помочь я смогу, только если вы будете со мной откровенны. Поверьте, я искренне хочу вам помочь, Иван Родионович!

– Но в чем может состоять моя откровенность?

– Воспринимайте меня как друга, – пропустив его слова мимо ушей, продолжал собеседник. – Вы же умный человек, учёный... Наверняка, общаетесь со многими людьми, в том числе и влиятельными... Не скажу, что я могу решить любой вопрос, но вашу проблему – могу. Если, конечно, мы сможем подружиться.

«Это контрразведчик! – неожиданно понял Трофимов. – Будет меня вербовать. Всё, как инструктировали! Как же мне выкрутиться?!»

– Я с вами искренен, – стараясь показаться как можно более наивным, сказал он. – Я правда не понимаю, в чём я виноват и почему меня здесь держат!

– Не прикидывайтесь простачком, у вас это не получается. Натан! – крикнул Яков Аронович.

Дверь тут же распахнулась, и вошёл хозяин кабинета. Сейчас он держался как подчиненный того, кто занял его кресло.

– Нужно показать улики господину учёному! Освежить, так сказать, память, – вежливый штатский указал на сейф. Русские слова предназначались Трофимову, а жест – инспектору.

Натан щелкнул замком, открыл тяжелую дверцу, достал монету и протянул контрразведчику. Тот взглянул, на лице отразилось недоумение, он извлек из кармана маленькую лупу, поднес монету к глазам и тщательно рассмотрел ее через увеличительное стекло.

– Что?! Что это такое?! – по инерции произнёс он на русском, но тут же перешёл на иврит и, вытянув вперед руку, разразился возмущенной тирадой.

Трофимов вытянул шею и не поверил своим глазам: в раскрытой ладони контрразведчика лежал новодел – сувенирная монетка, точно такая же, как предлагал ему сегодня хитрый торговец за четыре тысячи долларов!

Изумленный инспектор бросился к сейфу, перерыл его содержимое и даже выложил на стол пачку каких-то папок и стопку бумаг с фотографиями. Потом почти засунул голову в сейф, посветил зажигалкой, пошарил внутри... И лишь растерянно развёл руками. Яков Аронович, повысив голос, приказал что-то, инспектор снял трубку внутреннего телефона, резко сказал несколько слов... Ещё несколько минут между ними шла оживлённая беседа, о сути которой Трофимов мог лишь догадываться, в конце концов они замолчали и сидели, напившись, не глядя друг на друга.

Вскоре слышались торопливые шаги, и в кабинет вошли запыхавшиеся патрульные – сержант Гельман и его низкорослый напарник. Седовласый инспектор принялся кричать на них, тыча в лицо каждому по очереди крупную ладонь, на которой лежал маленький серебристый кружок, раза в полтора меньше настоящей монеты.

Возбужденный разговор на иврите возобновился с новой силой, патрульные недоуменно рассматривали сувенир, брали в руки, крутили, осматривая со всех сторон, разводили руками, клялись... Судя по всему, разговор шел по кругу и никакой ясности не приносил.

Яков Аронович с силой ударил кулаком по столу, и наступила тишина.

– С кем вы были на месте задержания? – вдруг обратился он к Трофимову.

«Ну, вот и всё! – подумал Иван. – Наверное, контрразведка за мной следила и зафиксировала контакт! А скорей всего, это и был их сотрудник! Сейчас его приведут, и он скажет, что я украл настоящую монету прямо с места раскопок!»

Но сдаваться ученый был не намерен.

– Один! С кем я мог быть в незнакомом городе?!

Яков Аронович посмотрел на патрульных. Очевидно, они должны подтвердить, что видели в раскопе двоих...

– Один, – сказал сержант. Его напарник утвердительно кивнул.

– Значит, вам придётся извиниться перед Иваном Родионовичем! – нарочито вежливо сказал Яков Аронович. И уже другим, угрожающим тоном сказал что-то на иврите, обращаясь ко всем троим полицейским.

После этого он встал и вышел из кабинета. Присутствующие, понурившись, молчали ещё пару минут.

– От лица полиции Израиля приношу вам извинения! – официальным тоном заявил по-русски инспектор. – Вот ваша монета и паспорт. Если пожелаете, можете обжаловать наши действия. Мои подчинённые вас проводят.

– Я не буду никуда жаловаться, – сказал Трофимов. – Только не могли бы довезти меня до гостиницы?

– Да, конечно, вас доставят прямо ко входу!

Патрульные развернулись и молча вышли, Трофимов пошёл за ними. На этот раз, садясь в полицейскую машину, он испытал облегчение.

* * *

В кампус он приехал около трех часов ночи. В коридоре общежития было тихо и пусто: все уже спали. Его неугомонный сосед Лукас Бланше тоже мирно похрапывал, хотя Трофимов опасался, что энергичный и бесцеремонный француз дождется его и будет приставать со своими вопросами.

Сам он, хотя и устал, долго не мог заснуть: доставление в полицию выбило из колеи, и он лихорадочно размышлял – чем эта история может для него обернуться. Конечно, полицейские не станут никуда сообщать, но может информация о задержании просочится по каким-то иным, неведомым ему каналам? Хотя в группе никто ничего не знает, да и соотечественников среди участников конференции нет! И все же, все же... От неприятного предчувствия

он испытывал беспокойство и тревогу.

На фоне тягостных размышлений отошла на второй план странная встреча на раскопках... Да и вообще – была ли она? Может, так подействовало монастырское вино? Но откуда тогда взялась монета в кармане? Причем ведь первоначально это был настоящий старинный тирский шекель! Или ему он тоже привиделся? Однако и полицейские видели антикварную монету, именно из-за нее они вызвали Якова Ароновича... Куда же она делась? К тому же сувенирной у него тоже не было, а сейчас она есть. Откуда? Ответа на эти вопросы он так и не получил, усталость взяла свое, и он незаметно провалился в глубокий освежающий сон.

Первое, что Иван Родионович увидел, проснувшись – веселое лицо Лукаса Бланше, который тряс его за плечо.

– Будьте вставать, а то завтрак закроется! Я ждать вас вчера и сегодня не стал идти один. Как вам понравилась литургия?

«Ах да, полуночная литургия!» – вспомнил Трофимов и обрадовался: француз сам подсказал объяснение позднего возвращения!

– Я получил большое удовольствие! До сих пор под впечатлением!

– Но все приехали раньше вас! – француз округлил глаза. – Я ждал, ждал...

– Я заблудился и вышел не к тем воротам. Потом долго искал такси. Жалко, что вас не было. И никого из знакомых.

Бланше закивал.

– Да, да! Мсье Крайтон и Бреннер спали. Я всех расспрашивал, но вас никто не видел...

– Было много народу. Я тоже вряд ли узнал бы наших коллег, – зевая, ответил Иван. А сам подумал: «И на хрена тебе обо мне расспрашивать? Я же о тебе не расспрашиваю?»

В этот день конференция затянулась до вечера, но когда начались секционные доклады, мэтры снова ушли в город. Однако на этот раз Трофимов удовольствия от прогулки не получил: ему казалось, что за ним наблюдают – то какая-то женщина бросила пристальный взгляд, то оборванец шел за ними два квартала, то полицейские осмотрели его с головы до ног...

Улетали они на следующий день вечером. В полдень автобус отвез гостей в Тель-Авив. В «Бен-Гурионе», как всегда, было много народу, самолеты садились и взлетали через каждые пять минут. Здесь их пути разошлись: Гарри Оливер Крайтон отправлялся в Лондон, Манфред Бреннер – во Франкфурт-на-Майне, Лукас Бланше – в Париж. Первым улетал Трофимов – «Боинг» на Москву отправлялся через два часа. Ученые пожали друг другу руки, Лукас обнялся со всеми. Пожелали счастливого возвращения домой, новых встреч и успехов в науке.

При прохождении границы полная женщина в тугой форме подробно расспросила Трофимова: с кем он встречался в Израиле, есть ли у него здесь родственники или знакомые, не передавали ли они с ним каких-либо вещей багажа, предметов или писем. Надо сказать, что сертификат об участии в международной конференции на этот раз несколько ускорил процедуру – возможно оттого, что иностранец покидал страну, а не въезжал в нее. Перед прохождением металлодетектора, Иван выложил сувенирный шекель в лоток вместе с остальной мелочью. Худощавый молодой таможенник лишь мельком взглянул на монеты и сделал разрешающий жест рукой.

В Москве таможенник то ли меньше разбирался в израильских монетах, то ли был более бдителен, но он пересмотрел все, а тирский шекель даже взял в руку. Впрочем, и его интерес быстро угас – было ясно, что никакой ценности этот новодел не представляет.

В Ленинград Трофимов с комфортом добрался на «Красной Стреле», знакомая обстановка успокоила, он с аппетитом поел в вагоне-ресторане, выпил немного коньяку, расслабился и пришел к единственному правильному выводу о происшедшем: встреча в археологическом раскопе привиделась под влиянием крепкого вина, а сувенирную монету тайно положил ему в карман Лукас Бланше, чтобы щепетильный русский не отказался от подарка. А что там не срослось в провокации израильских полицейских и израильского контрразведчика, его и вовсе не касается – это их собачье дело!

В хорошем настроении он взял такси, приехал домой. Ира, как всегда, радостно выбежала в прихожую. За прошедшие годы она немного располнела, но толстой не стала – просто девчоночья угловатость сменилась округлостями взрослой женщины. Покладистая, умная, она также работала в Публичной библиотеке и, в свое время, хорошо помогла ему в розыске документов по перстню, а потому глубоко вникла в тему диссертации. С ней всегда было о чем поговорить, жили они хорошо, только вот за шесть лет брака детей так и не появилось, хотя врачи не нашли у них причин этого: оба вполне репродуктивны.

– Ну, как конференция? Не жалеешь, что поехал? – с порога спросила она, бросившись мужу на шею.

– Да, в общем, ничего, – уклончиво ответил Трофимов. – Хотя вопросы всякие задавали... Про мистику, про...

Холодными пальцами она закрыла ему рот.

– Понятно, понятно... Все как обычно! С твоей темой надо быть осторожным, каждое слово взвешивать. Лучше бы ты вообще про этот перстень забыл. Возьми смежную проблему и разрабатывай на здоровье!

Он вздохнул.

– Сколько раз мы об этом говорили... Зачем опять-то?

Ира отстранилась.

– Я помню. Проголодался?

– Пожалуй...

– Сейчас приготовлю!

Ира скрылась на кухне. Трофимов стал раздеваться.

Жена, конечно, права. Но правду знают все, а истину – немногие. И истина в том, что на самом-то деле ничего значительного в его жизни не было... Кроме

перстня. Перстень смысл всего – стержень его научных успехов, его известности, его авторитета. Это один-единственный весомый результат всего, чего он добился. Все остальное лишь зыбкий размытый фон... А если убрать палочку, то что останется? Какой смысл во всех последующих нолях, сколько бы их ни было?!

Трофимов принял душ и, перед тем как повесить одежду в шкаф, привычно выложил всё из карманов, чтобы потом по забывчивости не сдать что-то в химчистку вместе с костюмом. На стол легли использованные билеты – они понадобятся для отчёта в бухгалтерии, расческа, ключи, несколько мелких израильских купюр и мелочь. Среди них привлекла внимание крупная, тускло белеющая монета... Что это? Сувенирный тирский шекель, память о неприятных событиях, чуть не обернувшихся большими проблемами? Но что-то он странно выглядит и не блестит, как раньше...

Иван протянул руку и взял монету. В ту же секунду он буквально впал в ступор – на ладони лежал настоящий тирский шекель первого века нашей эры!

Трофимов обессиленно опустился на диван. Успокаивающее объяснение, которое он придумал сам для себя, не обращая внимания на некоторые противоречия, было опровергнуто этим серебряным диском. Крупные черты властного лица Мелькарта выглядели еще более жесткими и суровыми. Как более жесткой и суровой оказывалась история, начавшаяся с неожиданного обретения этой древней монеты!

Он подбросил на ладони увесистый кружок, который непостижимым образом переместился из Иудеи начала эры в его ленинградскую квартиру. Интересно, сколько стоит настоящий тирский шекель? Ведь это серьезный антиквариат!

– Ваня, иди завтракать! – крикнула из кухни Ирина.

– Что-то расхотелось. Видно оттого, что поел в поезде, – ответил он. – Извини!

Аппетит действительно пропал. Надо узнать, что из себя представляет тирский шекель не в многовековом далеке, не в исторических мифологиях, а в современном мире! Но каким образом это может сделать преподаватель ВУЗа, далекий от сферы, где обращаются всякие антикварные штучки, где продают и покупают империялы Николая второго и погребальные ожерелья египетских

фараонов? Хотя... На третьем курсе истфака учится Владимир Котов, представитель «золотой молодежи» и коллекционер всего, что связано с Пушкиным. И он наверняка знает, к кому можно обратиться!

* * *

На другой день, в перерыве между лекциями его вызвал к себе Поплавский. Вызов не стал неожиданностью, и действительно, в кабинете зам декана уже сидел тот, кого Трофимов ожидал увидеть. Иван Иванович улыбался широкой дружеской улыбкой. Поплавский сразу вышел из кабинета, чтобы не мешать столь щекотливой встрече старых друзей.

– Как съездили, Иван Родионович? – ласково осведомился куратор. – Как выступили?

– Спасибо, нормально, – скрывая внезапно нахлынувшее волнение, ответил доцент. – Выступил успешно, доклад слушали с интересом, задали много вопросов...

– Очень хорошо! – куратор потряс десятком листов чистой бумаги. – Присаживайтесь и напишите коротенько отчет о вашей поездке. Но особенно себя не ограничивайте, искусственно объем не сокращайте, пишите прямо от души, от сердца: что, где, когда, с кем... Ну, вы знаете! И помните поговорку: «Краткость сестра таланта, но мачеха гонорара!» Вы, конечно, на общественных началах работаете, но все же лучше написать больше, чем меньше...

Трофимов сел за приставной столик и написал, как он прилетел в Иерусалим, с кем познакомился, как выступил, как и с кем встречался и проводил время... Для этого хватило двух страниц, правда, про эпизод на раскопках и доставление в полицию он, конечно, не упомянул. Иван Иванович внимательно прочел написанное и укоризненно покачал головой.

– Ну, что-то у вас опять без подробностей. Опять ничего интересного, как будто вы ездили куда-нибудь в Кинешму...

– Что было, то и написал, – сказал Трофимов. – Что могло быть интересного на научной конференции?

– Да ваш доклад, например! – воскликнул Иван Иванович. – Широта кругозора, грамотные ответы! Причем вы все время держались в рамках материалистической диалектики, хотя это было нелегко! И мне очень понравилось, как вы срезали этого негритоса Купера, когда он задал свой явно провокационный вопрос!

– Вы говорите так, как будто там были, – растерянно проговорил Трофимов.

– Может, и был! – кивнул куратор. – Бесплотно и незримо! Правда, и про развлечения вы ничего не рассказали...

– Особых развлечений там не было...

– Ну, как не было? А когда вы вернулись в кампус глубокой ночью? – Иван Иванович уставился в глаза доцента пронизывающим взглядом.

– Да, верно, я действительно задержался на полуночной литургии. Если это можно считать развлечением, то конечно. Должен сказать, что я действительно получил удовольствие от исполнения «Аве Мария» на арамейском.

– Что за язык такой? Я про него ничего не слышал? – вскинулся Иван Иванович.

– Это язык Христа.

– Ааа... – Иван Иванович махнул рукой. – Ну, вы этим особо не увлекайтесь...

– Хорошо, не буду, – покладисто сказал Трофимов.

Иван Иванович поцокал языком.

– Правда, есть тут одна заковыка... Никто не видел вас на этой литургии!

– Ну, почему не видели... Я сидел через несколько мест от Купера... И этот рыжий ирландец все время дышал мне в спину...

Трофимов был в шоке. Такое впечатление, что куратор ездил вместе с ним! А может... Может, это он был в раскопе?! Да нет, ерунда!

Иван Иванович едва заметно улыбнулся, он явно был доволен, что ошеломил собеседника.

– Ну, ладно. Видел, не видел, – ошибки всегда случаются. Поскольку у вас большое событие – вышла книга массовым тиражом, она продается за рубежом, ваша значимость как ученого возрастает. Поэтому я не буду читать вам морали и надеюсь, что в дальнейшем у нас с вами сложится более тесное и плодотворное сотрудничество, – сказал он.

– Не сомневаюсь! – согласился Трофимов.

Когда Иван Иванович ушел, он вернулся на кафедру и попросил лаборантку Леночку найти и прислать к нему студента Котова. Она удивилась.

– Это тот красавчик-мажор, который всегда одевается как на картинке? Неужели он пишет у вас научную работу?

– Хм, – Трофимов усмехнулся. – Пока только собирается. Может быть, и возьмется...

Через несколько минут Владимир Котов, по прозвищу Кот, заглянул на кафедру.

– Вызывали, Иван Родионович?

– А, Котов, подождите, сейчас я выйду, – сказал Трофимов, поднимаясь. В коридоре он взял студента под руку и увлек по длинному проходу, будто на прогулку.

– Один знакомый нумизмат хочет получить консультацию о достаточно редкой старинной монете. Кто в Ленинграде может такую консультацию дать? – спросил он.

Кот ненадолго задумался, а потом сказал:

– Ну, есть такой... Феликс, прозвище Граф... Он много лет занимается антикой. Они обычно по линиям специализируются: доски, ну, то есть иконы, фарфор, бронза, картины, оружие... А Граф всеядный, и в монетах тоже толк понимает...

– А где его можно найти? – спросил Трофимов.

Кот покрутил головой.

– Это дело непростое. Он по всему городу крутится: сейчас здесь, через час там... Больше всего шансов поймать его в ресторане, в «Астории». По выходным он всегда там и обедает, и ужинает. Да и на неделе частенько заглядывает.

– Спасибо, Володя! – от души поблагодарил Иван Родионович. Это была первая консультация, которую доцент Трофимов не провел, а получил от студента.

Глава 4

Обед «деловиков»

В «Астории» народу всегда немного, и не только потому, что цены здесь для простого люда откровенно кусаются. Просто с улицы сюда не пускают. Нет, конечно, заходят-то прямо с улицы, но не кто попадая – только те, кого швейцар дядя Ваня знает в лицо. Это солидные, уважаемые и щедрые люди, действие таблички «Мест нет» на них не распространяется, и строгий отставник широко распахивает перед ними двери с улыбкой, непривычной на суровом лице.

Вот и сейчас, зал ресторана почти пуст, только в уютном отдельном кабинете накрыт стол на четыре персоны. Имена персон в городе хорошо известны, по крайней мере в кругах «деловиков», которые в последнее время частенько стали проводить время в учреждениях общепита, причем не в рабочих столовых или, упаси боже, на фабриках-кухнях, а в элитных ресторанах, к которым, без всякого сомнения, и относилась «Астория». Потому что время сейчас наступило другое: менее строгое и более вольготное. Когда-то они прятались, боялись показать свое благополучие, а теперь, вроде бы, можно. Ну, а если можно, то почему они должны себя ограничивать?

Накрахмаленная скатерть, хрустальные рюмки и бокалы, фарфоровые тарелки... Нежнейшие, прозрачные лепестки осетрового балыка, красная лососевая икра с Камчатки, серая севрюжья из Астрахани, розоватые ростовские рыбцы со снятой кожей, жареная форель «ишхан» с Севана, настоящий салат оливье по дореволюционному рецепту: с перепелиными яйцами, рачьими шейками и добавлением коньяка; холодный волжский осетр, слезящиеся ломтики свежайшей ветчины, копченого окорока и карбоната, тонко нарезанная сырокопченая колбаса, – и это только закуски, прелюдия к основному обеду! Грузинские вина, армянские и дагестанские коньяки, экспортная «Столичная» с золотыми и серебряными медалями на этикетке, настоящий «Нарзан» и «Джермук» – прямо из источников...

Такой стол нелегко найти не то что где-то на периферии, но и во всем Ленинграде! Да и то не факт... Разве что на знаменитой фотографии из «Книги о вкусной и здоровой пищи», выпущенной в 1955 году и отражающей не столько изобилие, изысканность и доступность продуктов, повседневно потребляемых советскими людьми, сколько представление вождей об этом деликатном вопросе...

– Ну что, Феликсушка, давай, за твое здоровье! Сегодня тебе исполняется сорок три, прекрасный возраст, когда все еще впереди, – поднимает бокал с густой «Хванчкарой» реставратор художественного музея Игорь Охотников. Ему немного за пятьдесят, сухощавый, верткий, вид почти всегда недовольный, может, оттого, что он альбинос. Белые ресницы, красные, вечно воспаленные глаза, чувствительная к солнцу кожа... Чему тут радоваться?

– Поддерживаю! Здоровья тебе, дорогой друг! – говорит Петя Сухомлинов. Он пьет экспортную «Столичную». Ровесник Охотникова, но выглядит гораздо старше, по незнанию можно подумать, что уже к шестидесяти подкатывает... Среднего телосложения, редкие седые волосы смазаны бриолином и аккуратно зачесаны назад. Серые глаза спокойно и внимательно рассматривают сотрапезников, будто выискивают в них какую-то червоточинку, какой-то обман или неискренность: профессия адвоката сказывается! Хотя чего тут выискивать – двух из трех он знал как облупленных, а с Охотниковым и вовсе учился в школе... Они даже во многом были похожи: оба лоснились от самодовольства, а важностью осанки и властными лицами напоминали советских или партийных руководителей районного звена. И одевались соответственно: шитые в ателье строгие костюмы, белые сорочки, обязательные галстуки...

– И я присоединяюсь, – поднял пузатый бокал с «Двином» третий сотрапезник – Серега Пересветов, который при знакомстве представляется свободным художником. Действительно, ему не надо ходить на службу, и он не боится, что вдруг постучит участковый и выпишет предостережение за тунеядство, потому что он член Союза художников, а следовательно, может вести свободный образ жизни. Правда, Сухомлинов трактует этот оборот по-другому: дескать, «свободный художник» – это художник, которого еще не посадили. Пересветову шутка не нравится, он морщится, но терпит: Сергей самый молодой – недавно тридцать пять лет разменял, к тому же вошел в узкий круг солидных людей относительно недавно, еще не притерся... И даже внешне от них отличается: круглое розовощекое лицо, узкая шкиперская бородка, купленные у фарцы джинсы «Монтана», кожаная итальянская куртка и джинсовая рубашка, – дешевый шик неформалов, тусующихся на Невском у кафе «Сайгон»... Он считал, что это очень круто, но сейчас понял, что попал не в цвет!

– Здоровье не купишь, не выменяешь и даже не украдешь! – неожиданно скомкал он свой тост, чем вызвал некоторое недоумение присутствующих.

– Спасибо, дорогие друзья, спасибо, – тостуемый даже встал, чтобы выразить благодарность и уважение своим гостям. По очереди чокнулся со всеми. Дождался, пока они выпили, и тоже медленно, со вкусом, осушил рюмочку хорошо очищенной водки.

Это и был Граф. Он полностью оправдывал свое прозвище. Ухоженный брюнет с небольшой аккуратной бородкой, которая придавала ему иконописный вид. Длинные волосы цвета воронова крыла вроде бы небрежно спадали по обе стороны худощавого лица, но на самом деле эта небрежность была изобретательно продумана и добивалась специальной стрижкой и тщательной укладкой. Отутюженная кипенно-белая рубашка, переливающийся перламутром костюм – привозной, итальянский, запонки с крупными рубинами. Ну, и все, что к этому облику прилагается – изысканные манеры, грамотная речь, изобилующая незнакомыми словечками и диковинными оборотами. «Господин безупречность» – называли его дорогие девушки, с которыми он иногда проводил время в этом же кабинете. Несмотря на все перечисленное, Граф работал в скупке ювелирных изделий оценщиком.

Но это не имело значения. Ибо столь разномастную четверку собрала здесь не профессия, а та страсть, которая жгла их, казалось бы, заскорузлые и бесчувственные к обычным человеческим ценностям, сердца. Ибо профессии у

них были разные и для вида, а страсть одна – и для души. Коллекционеры антиквариата и древних ценностей. Аристократы духа, сутенеры искусства, святые и подлюги... Друг друга зовут ласково – «коляши», с ударением на втором слоге. Но сейчас в «Астории» собралась элита «коляш», их генералитет. Пересветов, конечно, в этот круг пока не вошел, но одной ногой уже вступил. Парень хваткий, быстрый, отец занимает солидный пост, а сынок имеет связи в молодежной среде... К тому же у генералов обязательно должны быть адъютанты на подхвате. Тем более, страсть к антике, а тем более к наживе, горит, горит в его душе. И сейчас качество этой страсти каждому предстояло продемонстрировать.

– А теперь подарки, – многозначительно улыбаясь, объявил Охотников и осторожно поставил на стол небольшую синюю коробочку, похожую на те, в которых иногда продавали духи «Climat», но с тщательно заклеенной фольгой этикеткой. – Открывай, только аккуратно...

Граф придвинул коробочку ближе, трясущимися руками медленно снял крышку. Высокомерная вальяжность исчезла, глаза блестели, сейчас он напоминал избалованного мальчишку, получившего вожделенный подарок в День рождения.

– Ух ты! – зачарованно выдохнул крупнейший знаток антиквариата.

В коробочке находилась фарфоровая статуэтка – узкоглазый, с отвислыми усами над нарисованной улыбкой мудрец, скрестивший ноги в позе лотоса. Халат из красной глазури, штаны из голубой, золотые разводы, голова на невидимом шарнире... Сейчас голова покачивалась вверх-вниз: дзинь, дзинь, дзинь. Сама по себе.

– Китайская, эпохи Мин, – удовлетворенно сообщил Охотников, откинувшись на высокую спинку обтянутого кожей дубового стула. Grimаса недовольства с его лица исчезла, что бывало крайне редко.

– Ну, ты уважил, дорогой Игорь Петрович! Удивил! А чего он качается? Там же никакой пружины быть не может...

– А это он тебя приветствует. Или поздравляет. Видать, какая-то в нем хитрость имеется. Правда, правда! Когда я торговался, он сам по себе закивал: «Дескать,

покупай, не жмоться!» Ну, я и купил!

– И сохранность прекрасная, – Граф осторожно взял статуэтку в руки, поднес к лицу, внимательно изучая. Потом встал, подошел к окну... всмотрелся.

– Слушай, на нем какая-то сетка трещин... Такое впечатление, что он склеен из осколков! – озабоченно сказал Граф, возвращаясь и ставя статуэтку на стол.

– У меня тоже было такое впечатление, – кивнул Игорь Петрович. – Но ты думаешь, я не заставил продавца при мне сделать рентген? Вот справка: «Статуэтка сидящего мудреца выполнена из цельного материала...»

Рядом с фигуркой легла половина листа бумаги с фиолетовым штампом в углу и круглой печатью на подписи под неразборчивым текстом.

– Да и невозможно склеить из стольких осколков, – вмешался Сухомлинов. – Для этого надо вначале разбить ее вдребезги, а потом собрать заново! Нонсенс! Это какой-то древний прикол, который может увеличить ее ценность в десятки раз!

– Фарфор и так прет в гору! – сказал Охотников. – Помните, я молочник с двумя чашечками и блюдами за восемь рублей купил в комиссионке? Фабрики Кузнецова?

– Помню, – кивнул Сухомлинов. – Ты еще хвастался, когда мы Феликсу возвращение имени отмечали. Мол, может, из этой чашечки сама императрица пила кофеек. Александр Исакович, царствие небесное, вроде сомневался, а ты говорил, что за них скоро и тысячу дадут...

– Почему «хвастался»?! – победно протрубил Охотников. – За десять тысяч с руками оторвут! А ты, Феликс, не сомневайся, не склеенный он. Это легко проверить, но я честью клянусь, не склеенный!

– Дзинь, дзинь, дзинь, дзинь, – прозвенел фарфоровый китаец. Теперь голова у него качалась справа – налево и обратно: нет, нет, нет...

– Глянь, он сам подтверждает! – показал пальцем Сухомлинов. – Ты что, ему голову покрутил?

– Да нет, ничего я не делал, – растерянно пожал плечами Граф.

– Значит, Игорь подстроил! Только хватит, пора переходить к моему подарку!

Рядом со статуэткой легла коробочка для кольца.

– Открывай, Феликсушка!

И снова солидный Граф превратился в ожидающего чуда мальчишку. Крышка откинулась. Вместо кольца в прорезь на черном бархате была вставлена небольшая желтая монета.

– Ух ты! – повторил Граф, вынимая монету и вертя в руках. – Это то, о чем я думаю?

– Золотой доллар США, 1849 года, из первой чеканки! – торжественно объявил Сухомлинов. – Сам понимаешь, что это значит!

– Спасибо, дорогой Петр Лукич, спасибо! – зачарованно проговорил Граф, рассматривая нумизматическую легенду.

– Трещин и царапин на нем, надеюсь, нет? – спросил адвокат и бросил насмешливый взгляд на Охотникова. Тот только криво усмехнулся подначке товарища.

– Нет, нет, идеальная сохранность! – выдохнул Граф и вернул подарки в коробки.

– Теперь пусть отнерестится Сергей наш Сергеевич, да продолжим чествования именинника. А то выпить хочется!

Три пары глаз выжидающе обратились к Пересветову. Тот, явно понимая, что опять попал не в цвет, неловко полез в небольшую сумку.

– Вы извините, я впервые в вашей компании и порядков не знаю, – пробормотал он и выложил на стол золотые часы «Луч» Ленинградского часового завода на плетеном золотом браслете. Вот...

– Слабовато, молодой человек, – покровительственно произнес адвокат.

– Ну, зачем так, Петр Лукич, – укоризненно сказал Граф. – Очень даже пристойно! Я давно хотел приобрести такие...

– И еще вот, – Сергей Сергеевич протянул имениннику книгу в твердом переплете и с яркой обложкой. – Здесь про одну очень древнюю вещь... Коллекционеру должно быть интересно...

Охотников и Сухомлинов переглянулись, и их взгляды выражали одну и ту же мысль: «Да он полный идиот!» Хотя оба понимали: идиот или нет, неважно, обтешется, а вот то, что папа у него большой начальник – гораздо важнее... Потому и приняли балбеса в свою компанию, пригрели... Но и воспитывать, конечно, надо!

– Книжки читать мы, конечно, любим, – начал адвокат елейным тоном, так он начинал выступление в суде, когда готовился выставить прокурора дураком, предъявив доказательства, полностью разбивающие его позицию. – Только времени не хватает. На книжках ведь много не заработаешь...

Может быть, он хотел продолжить, но оборвал речь на полуслове.

Граф схватил книгу с гораздо большим трепетом, чем только что принимал редчайшие раритеты. Казалось, он забыл про остальные подарки. Внимательно рассмотрел обложку, посмотрел оглавление, пролистнул страницы.

– А ведь в самую точку попал Сергей Сергеич! – произнес он наконец.

– Да что ж это за книга такая, Феликсушка? – удивился Охотников.

– Да, да, про что? – подыграл товарищу адвокат.

– Про мой перстень!

Граф аккуратно положил книгу рядом с антикварными раритетами.

– «Артефакты мировой религии: мифы и реальность», – прочитал вслух Охотников.

Все замолчали, рассматривая нетолстый томик. В центре обложки был нарисован перстень, на котором лев держал в пасти черный камень. Точно такой перстень не раз рисовал Граф, точно такой перстень видел в Эрмитаже Александр Исакович Бернштейн, об этом перстне постоянно рассказывал сегодняшний именинник, завладеть им было мечтой всей его жизни... Это меняло дело и совершенно изменяло оценку подарка!

– Молодец, Сергей Сергеич, сегодня ты обошел на повороте нас, стариков! – уже без издевки произнес адвокат, вертя в руках книжицу. – А кто такой этот Трофимов?

– Какой еще Трофимов? – вскинулся Охотников.

Сухомлинов поднял книгу и показал всем заднюю обложку с фотографией какого-то типичного лоха в очках.

– Он автор этой лабуды... То есть, этой интересной книги... Вот, тут написано: кандидат наук, работал в Эрмитаже, нашел среди архивных экспонатов перстень, фигурировавший во многих легендах, и тщательно изучил его настоящую судьбу...

– Дорогие друзья, мы ведь не в библиотеке! – поднял бокал альбинос. – Всему свое время! А сейчас мы должны надлежащим образом отметить день рождения нашего друга! За здоровье самого компетентного знатока артефактов древности!

Дальше все покатило по наезженным рельсам. Выпили. Закусили. Еще выпили. Опять закусили. Заглянул директор, спросил, все ли в порядке у уважаемых гостей, не надо ли еще чего-нибудь? Его пригласили присесть и разделить трапезу. Он деликатно уклонился, сказал – дела ждут. На самом деле он знал, что в узкий круг таких людей попадать не надо, потом себе дороже обойдется.

– А помнишь, Феликс, как мы тебе в шестьдесят первом именины праздновали? – сказал вдруг Охотников. – Когда ты имя родовое себе вернул?

Сухомлинов повернулся к Пересветову и пояснил:

– Мы ему настоящую фамилию обмывали. А то ведь в роду у него одни князья да графы, а после революции они стали врагами рабочих и крестьян, вот его дед и придумал исконно трудовое имя: «Передовик Пятилетки»! Вот под таким имечком он и проходил полжизни...

– Было дело, было, – согласился Феликс. – Сейчас меня называют Графом, а по существу я ведь из княжеского рода. А князь – он повыше графа будет! Только, в отличие от паспортных имен, погоняла не меняются...

Он потянулся через стол, зачерпнул ложечкой из стоящей во льду серебряной вазы севрюжью икру, положил на намазанный маслом кусочек еще горячей булки, выпил очередную рюмку водки и с удовольствием закусил.

Сухомлинов внимательно смотрел на его руки.

– Помню, Александр Исаакович тебя за неосторожность корил, – вздохнув, сказал он. – Мол, маникюрша домой приходит, парикмахер. Еще спрашивал: «Не боишься?» А ты никаких выводов не делаешь, до сих пор с маникюром ходишь, небось, еще и педикюр делаешь...

– Ну и что? – ответил Феликс, снова наполняя рюмку и набирая икры полную ложку с горкой. – Я делаю то, что всем семейным укладом приучен... Да и времена-то сейчас другие, помягче!

– А кто такой этот Александр Исакович? Вы его часто вспоминаете, – спросил молчащий до сих пор Пересветов.

Сидящие за столом переглянулись.

– Товарищ наш... Очень солидный человек, иконами занимался. И такую коллекцию собрал! – сказал адвокат.

Сергей Сергеич заерзал в нехороших подозрениях.

– А где же он?

Наступила долгая пауза.

– К сожалению, ушел из жизни, – сказал, наконец, Охотников. – Нежданно. Раз – и ушел...

– Не так уж и нежданно, – добавил Сухомлинов. – Неприятности у него были. И арестовывали, и блатные ему угрожали.

– Вот даже как! – удивился Пересветов. – Я и не слышал об этом...

– Да, Сергей Сергеевич, ты же в нашей компании, можно сказать, новичок. Собственно, на его место и пришел. Сын у него есть правда толку от него немного...

– Вот уж действительно не в отца пошел! – согласился Охотников. – Даже фамилию жены взял – не захотел Бернштейном быть...

– Ну, почему «не в отца»? – возразил Граф. – Телогреечку старую, кирзачи, шапку солдатскую, – помните, в которых папашка по рынку на Уделке рыскал, – до сих пор надевает, когда на «плешку» выходит: старательно маскируется под простого трудягу... И даже переигрывает – сейчас уже так не ходят! А «доскам» отцовым ладу дать не может, и продавать не хочет! Да и не понимает в них ничего! К тому же покойник в первой семье мало что оставил...

Теперь выразительно переглянулись Сухомлинов с Охотниковым. Уж больно пренебрежительно отозвался Граф о покойном товарище и его наследнике. А ведь не ему бы говорить в таком тоне...

– Ну, если уж вспомнили, давайте за Александра Исаковича поднимем. Помянем его светлую душу. Может, он сейчас смотрит на нас свысока...

– Свысока вряд ли, – перебил адвоката Граф.

– Я имею в виду с высокого облака. Смотрит на своих друзей с умилением и радуется, что живем мы хорошо и прятаться уже не надо. Ведь мы же, Сергей Сергеевич, настоящее имя нашему Графу на квартире праздновали! Потому что, если бы тринадцать лет назад мы вот так, в ресторан, закатились, то сразу бы на

карандаш к ОБХСС[З - ОБХСС – отдел борьбы с хищениями социалистической собственности. Ныне ОБЭП.] попали: на какие такие доходы жируете?! Это сейчас вольнее становится, и жить легче...

Они выпили. Все осушили рюмки как и положено, до дна, а Феликс лишь пригубил и поставил на стол.

– Неправильно поминаешь, Феликс, – заметил Охотников. – Если и было что между вами, так и забыть уже пора!

– Это точно, – согласился Сухомлинов.

– А что же было у вас такое? – снова любопытствовал Сергей Сергеевич.

– Да многое было, – глядя в сторону, буркнул адвокат.

– Что «многое»?! – повысил голос Граф. – Что вы перемигиваетесь? Что вы переглядываетесь да на меня косо смотрите? Новый человек в нашей компании что подумает? Хотя не такой уж и новый – пять лет вместе тремя. Так пусть знает, как все было на самом деле. Не я во всем виноват... Я все честно сделал, слово свое сдержал!

– А что же случилось? – не успокаивался Сергей Сергеич.

– Я перстень искал свой, фамильный, вот этот! – Феликс поднял полученную книгу, ткнул пальцем в обложку. А он в Эрмитаже оказался. Ну, и попросил я Бернштейна покойного достать его мне...

– Из Эрмитажа достать? – изумился Сергей Сергеич.

– Из Эрмитажа, из Эрмитажа... Что тут особенного? Есть специалисты, которые и из Грановитой палаты достанут то, что надо!

– Нууу, – протянул Пересветов. – Я в этих вопросах не понимаю.

– Так вот, и мы не понимаем, – ядовито вставил Сухомлинов. – Я, как адвокат, так особенно! Феликсушка наш попросил Александра Исаковича с нужными людьми

поговорить. А тот доктором работал, венерическим, знакомые у него всякие были. Вот и потолковал с блатными. Денежку им передал...

– Передал или нет – неизвестно, – вставил Феликс.

– Передал, передал, Феликсушка, не бери грех на душу. Не подумаю я никогда, что Александр Исакович подлянку такую сделал. Да и не стали они бы без денежки работать. Не такие это людишки...

– И что получилось? – спросил Пересветов в очередной раз.

– Да нехорошо как-то получилось, – пожал плечами Сухомлинов. – Наперекосяк все пошло. Перстень-то из Эрмитажа вынули, только сторожа в живых не оставили! А дальше больше – непонятки начались: один блатной убит, второй, а потом организатор этого дела по этапу на север поехал. А перстень куда-то исчез, и деньги пропали...

– Немалые деньги, – встрял Феликс. – Десять тысяч!

– Короче, много бед случилось, и все они на Александра Исаковича легли.

– А на меня не легли? – прицепился Феликс. – Что это за привычка все мимо меня грузить? Бернштейн ваш мне всегда говорил: что так размашисто живешь, разве тебе две жизни намерено? Но я одной жизнью так и живу, а он уже где?

– Грешно-о-о говорить так, Феликсушка, грешно-о-о, – протянул Охотников. – С каждым беда может случиться. А деньги-то для тебя не смертельные!

– Да тут дело в принципе. Я бы еще столько же отдал. Мне только перстень нужен!

– Да что же это за перстень такой? – воскликнул Сергей Сергеич.

– Это отдельная статья, – протянули Охотников и Сухомлинов одновременно.

– Статья все та же! – раздраженно сказал Феликс. – Прапрадеда моего перстень!

– Ну, не совсем так, – уточнил Сухомлинов, проявляя адвокатскую натуру и склонность к крючкотворству. – На сегодняшний день это спорный объект имущества...

– Стрелялся он из-за него, – пропустив мимо ушей реплику, продолжил Феликс. – И погиб. Причем прапрадед-то дуэлянтом был. А застрелил его лох зеленый, который пистолет в руки впервые взял. Только перстень у него был на пальце!

– А что, это роль сыграло, думаете? – спросил Сергей Сергеич.

– Уверен, – кивнул Феликс. – Уверен. Мы давно древностями занимаемся, сталкивались. Бывает, икона хорошему человеку желания выполняет, а плохого наказывает. Или какая-нибудь старинная штучка беду сулит. Так вот, этот перстень, удачу приносил, факт. Потому я его и хочу получить. Только ушел он в неизвестном направлении, провалился в блатной мир. И где он, как его достать – не знаю. Вот книжку твою прочту, может, что-то и прояснится...

– Ну что ж, – чтобы сгладить возникшее в компании напряжение, Пересветов широко заулыбался, налил всем и поднял бокал. – Давайте за это и выпьем. Пусть желание уважаемого Графа после этого дня рождения исполнится. Это будет подарок судьбы!

Зазвенел хрусталь, и они выпили в очередной раз. А тут и основные блюда подспели – седло барашка, цыплята-табака, плов по-хански... Напряжение рассосалось, возникшая было неприязнь исчезла, да и разговоры вернулись в обычное застольное русло. На десерт подали торт из мороженого, потом наступило время прощания, сытые и захмелевшие гости расходились довольными, искренне обнимая хозяина. Словом, торжественный обед удался на славу!

Но Граф так не считал. Проводив сотрапезников, он остался, будто бы расплатиться, но уходить не торопился: сел в уголке кабинета, в глубокое кресло под торшером, поставил на журнальный столик рядом фарфорового китайца и стал с интересом перелистывать подаренную книгу. Но сосредоточиться не мог: в душе шевелились неприятные мысли.

«Вот оно, значит, как, – с горечью думал он. – Друзья друзьями, а камень за пазухой держат... Всё Бернштейна моей жертвой считают! Я, получается, его

свел в могилу... А почему, собственно? Человек не первой молодости, нервничал много, в конце концов сердце и не выдержало... Я-то при чем?»

Китаец смотрел на него и улыбался искусно нарисованным ртом. И иногда казалось, что рот не нарисованный, а настоящий, и между тонкими губами проглядывают прокуренные зубы... Странно смотрел и странно улыбался. Как будто живой. И знает про него все...

Граф встал, подошел к столу, плеснул в бокал коньяка, выпил, бросил в рот несколько виноградин. Можно обмануть друга, можно перехитрить врага, но самого себя не проведешь! Он знал, что слухи и подозрения появились не на голом месте и известная доля вины в его действиях присутствует. Дело в том, что все «антикварщики», во всяком случае солидные фигуры, а не рядовая шелупень, имели своего «ангела-хранителя», который носил погоны и принадлежал к одному из правоохранительных ведомств. За информацию и специфические услуги, курирующий офицер, которого подопечные чаще считали не ангелом, а представителем противоположного, «темного» лагеря, оказывал протекцию своему информатору и обеспечивал ему защиту и режим наибольшего благоприятствования – то, что в последующие годы стало называться «крышей».

Такой «крышей» у Графа был в то время капитан Семенов, который служил в ОБХСС и как раз работал по линии антиквариата, фарцовки и прочим направлениям, которыми они успешно занимались – иконы, связи с иностранцами и так далее. И надо сказать, что когда Бернштейн не смог или, как Граф думал «не очень захотел» вернуть взятые деньги, а перстень, пропавший из Эрмитажа, так и не оказался в коллекции Юздовского, тот сильно обиделся. И шепнул на ушко своему куратору, что именно Бернштейн организовал ограбление Эрмитажа, а занимался этим музейный вор, специально выпущенный из Ростова. Надо сказать, что Семенов добросовестно организовал проверку этого сигнала: подключил уголовный розыск, оперативники выезжали в Ростов, но ничего раскопать не смогли...

Потом Бернштейна несколько раз задерживали на «толкучке», каждый раз вызывали на допросы, вроде бы для уточнения обстоятельств, но в числе прочего спрашивали, не знает ли он, где находится перстень, похищенный в Эрмитаже, который никакого отношения к задержаниям не имел... Конечно, сделано это было так топорно, что Александр Исакович заподозрил, откуда ветер дует, и поделился своими подозрениями с окружающими. На Графа стали

косо поглядывать, некоторые даже перестали с ним общаться. Он не обращал на это внимания, но через какое-то время Александр Исаакович скоропостижно скончался: сердце не выдержало нервных стрессов и постоянного напряжения. Это сразу изменило оценку скрытого конфликта: смерть перевесила десять тысяч рублей, которые не играли в жизни Графа существенной роли. И виновной стороной молва признала именно его! Но с тех лет много воды утекло, а оказывается, не забыта давняя история, и отношение к нему как к виновнику в смерти товарища, не изменилось.

«Да, хороши друзья, – подумал Юздовский. – Как говорится, «таких друзей водить в музей»!»

Он усмехнулся: поговорка для их компании вполне подходила: они часто залетают в музеи, как стервятники в поисках поживы...

«Ладно, нужно держать ухо востро и спиной к ним не поворачиваться», – подумал он, подмигнул китайцу и вновь принялся листать книгу. История перстня его очень увлекла. Он погрузился в нее настолько, что даже забыл о течении времени. Официант несколько раз заглядывал, но не беспокоил важного гостя.

Однако, заглянув в очередной раз, все же деликатно потрогал его за плечо.

– Феликс Георгиевич, там вас какой-то человек спрашивает.

– Какой еще человек?

– Не знаю, незнакомый. Сказал, что ему подсказали, где вас можно найти. У него к вам консультация.

– Консультация? Если все ко мне будут с улицы приходить в ресторан и консультироваться, так мне и обедать некогда будет! – раздраженно сказал Юздовский. – Может, он еще ко мне домой заявится?

– Так что, прогнать его?

Граф задумался.

– Не надо. Так и быть, приму ради своего Дня рождения. Пусть зайдет. А ты принеси мне ликерчика...

Юздовский был не совсем искренен. Просто на душе было холодно и пусто, и он согласился принять неизвестного просителя только для того, чтобы это одиночество развеять. Через несколько минут в кабинет зашел человек. Он явно был не из того круга, в котором привык общаться Граф. По виду – настоящий очкастый ботаник, но, судя по стеклам-хамелеонам, и по костюму, он не был обычным лохом, которые толпами бродят по Невскому. Поздоровавшись, он, повинуясь жесту графа, сел в кресло напротив. И тут заметил лежащую перед Графом книгу.

– Вот здорово! – улыбнулся он. – Вы как раз читаете мою книгу, какое совпадение!

– Как «твою книгу»? – скривился Граф. – Эту книгу мне только что подарили товарищи.

– Понятно-понятно, – закивал головой проситель. – Я Трофимов Иван Родионович, я ее написал!

– Что? – изумился Юздовский и повернул к себе заднюю обложку. Посмотрел на фото автора, перевел взгляд на вошедшего. На лице отразилось изумление. – Вот это да, действительно, нарочно не придумаешь! Так это вы работали с перстнем? – Граф доброжелательно улыбнулся, встал и протянул руку. – Позвольте представиться: Юздовский Феликс Георгиевич!

Надо сказать, что теперь поведение Графа изменилось – он смотрел на Трофимова уже не как на неизвестного просителя, а как обычно смотрел на людей, с которых думал получить деньги – заинтересованно и уважительно. Правда, когда он добивался своего, и заинтересованность, и уважительность пропадали неизвестно куда. Но пока он еще этого не добился.

Теперь изумился Трофимов.

– Мир тесен! – воскликнул он. – Нет, ну разве бывают такие совпадения? Ведь я хорошо знаю историю вашего предка, и про эту дуэль...

– А не выпить ли нам за столь знаменательную встречу, уважаемый Иван Родионович? – воскликнул Граф. – Думаю, нас неспроста свела судьба!

При этих словах лицо Трофимова помрачнело. Подспудная мысль о «третьей силе» выскользнула наружу и испортила настроение.

– Да, да... Ну, давайте выпьем... Хотя я небольшой любитель...

Они выпили, настроение улучшилось. Юздовский расспрашивал: действительно ли движение перстня можно отследить на протяжении тысячелетий?

– Во всяком случае, заметная часть пути мне известна, – с гордостью ответил Трофимов. – Сейчас я жду известий от английских коллег об очередном отрезке его движения. Ведь этот артефакт оставлял за собой заметный след, он влиял на судьбы людей: одних возвышал, других низвергал...

– А определить его местонахождение сейчас вы можете?! – с жадным любопытством спросил Юздовский. – Я готов хорошо заплатить!

Доцент развел руками.

– Увы, я же не сыщик. Я работаю с документами прошлых лет, а не с людьми из криминального мира...

– Жаль. Но вы держали его в руках?

– Держал.

– И что вы про него скажете?

– Это мощный энергетический носитель. Иногда энергия прорывалась наружу – он сильно обжег руку моему коллеге. А когда я тут же взял его, он был совершенно холоден...

– Но он обладает сверхъестественными свойствами?

– Как вам сказать, – Трофимов уже натренировался отвечать на такие вопросы. И снова он ходил вокруг да около, не затрагивая тех сторон, которые могли противоречить теории марксизма-ленинизма, и, конечно, не затрагивая никакую мистику. Во всяком случае, о судьбе Киндяева, разорванного самым настоящим львом в цирке, упоминать он не стал.

Время летело быстро, они говорили долго, за окнами стемнело. Юздовский стал терять интерес к посетителю, пора было заканчивать разговор.

– А вы по какому вопросу? – наконец поинтересовался он.

– У меня к вам консультация, – Трофимов полез в карман, вынул картонную коробочку, раскрыл и аккуратно положил на журнальный столик большую монету.

– Ооооо, – протянул Юздовский. – Тирский шекель... Похоже, это подлинник!

– Это редкая вещь? – спросил Трофимов.

Граф бросил на него острый взгляд.

– А вы не знаете?

– Ну, как вам сказать... – замешкался Трофимов.

– То есть, вы хотите сказать, что эта вещь попала к вам бесплатно? Но найти ее вы не могли: античные монеты начала эры на дороге не валяются!

– Ну, если говорить точнее, мне ее подарили.

– Это царский подарок, – сказал Граф. – Эта монета на аукционе может стоить десять, двадцать, а может быть, и тридцать тысяч долларов. Все зависит от ее истории. На нее есть сертификат?

– Сертификата нет, – пожал плечами Трофимов.

– Это, конечно, уменьшает стоимость. Кстати, вы не хотите ее продать?

– Нет, я как-то не планировал.

– Ну, ладно, – Юздовский наморщил лоб, как всегда, когда в голову приходила внезапная мысль. На улице темно, а этот лох носит в кармане целое состояние. Один звонок Коробейнику, и антикварная монета сменит хозяина и украсит его собственную коллекцию!

– Не хотите ли еще выпить? Давайте посидим, поужинаем!

– Дзинь-дзинь... Дзинь-дзинь...

Граф вздрогнул. Фарфоровый китаец в упор разглядывал его строгим взглядом и отрицательно качал головой. «Не вздумай!» Ему показалось, что он расслышал эти слова в холодном фарфоровом звоне. Или эта мысль сама зародилась прямо в мозгу. У него похолодела спина.

– Спасибо, Феликс Георгиевич, я пойду! – Трофимов встал. Они обменялись телефонами. Граф вызвал официанта и распорядился, чтобы тот проводил гостя до такси. Расстались они дружески.

Глава 5

Случайная измена

Через несколько дней позвонила журналистка Еремина.

– Здравствуйте, Иван Родионович! С возвращением вас!

– Спасибо!

– Вы меня помните?

– Конечно, Лена...

– О! После стольких впечатлений не забыли имени... Очень приятно! Тогда вы должны помнить, что обещали вернуться к интервью...

Трофимов был рад звонку и хотел, чтобы продолжение их знакомства не сводилось к обыденной рабочей встрече.

– И это помню. Ну, в прошлый раз вы меня приглашали, а теперь моя очередь. Давайте в «Гостином дворе» в 17 часов.

– Ну, так нечестно! Вы же в тот раз сами расплатились!

– Неважно. Главное – кто делает приглашение.

– Ну, если так... Тогда до встречи, Иван Родионович! – радостно сказала Лена.

Трофимов с удивлением заметил, что ему приятно слышать своё имя из её уст.

Перед встречей он надел новый костюм, под хмурую погоду подошел привезенный из Германии длинный плащ. Иван Родионович волновался, торопил время и одновременно тормозил его, даже купил три розы и пришел на четверть часа раньше. Моросил мелкий дождь, стоять у ресторана с цветами было слишком приметно, и он прогуливался – полквартала в одну сторону, полквартала в другую, держа букет, как веник – бутонами вниз, чтобы не бросался в глаза. Но при этом не сводил взгляда с входных дверей и подходов к ним.

Лена пришла точно в назначенное время. Тонкую фигурку в белом плаще он заметил издали, бросился наперерез, вручил цветы.

– О, какая приятная неожиданность! – воскликнула девушка. Легкий, почти незаметный, но искусный макияж превратил ее из журналистки в киноактрису, выходящую на съемочную площадку. – Первый раз перед интервью мне дарят розы! После – бывает...

– Значит, вы хороший интервьюёр! – нашелся Иван, хотя почувствовал укол ревности. – Или интервьюер?

– Не знаю, – улыбнулась она.

Они сдали на вешалку плащи, причем оба номерка седоусый дородный гардеробщик отдал Трофимову – очевидно, солидный джентльмен в хорошем костюме с галстуком внушал доверие. А может, номерок дамы всегда отдают мужчине – Иван Родионович не особенно разбирался в подобных тонкостях. Но если и был удивлен, то виду не показал.

Народу в ресторане было немного – большой, высокий, ярко освещенный зал производил впечатление почти пустого.

– Пойдемте вон туда, к окошку! – с видом завсегдатая предложил Иван.

На самом деле он был здесь единственный раз, когда коллега пригласил всю кафедру на день рождения.

– Конечно! – кивнула Лена и привычно пошла впереди. На ней было обтягивающее платье цвета морской волны, сумочка в тон, дымчатые колготки и черные «лодочки» на высокой «шпильке». Трофимов пожирал глазами точеную фигуру, мысленно гладил нежную белую кожу в глубоком треугольном вырезе на спине и четко очерченные нейлоном ноги.

Проворный официант отодвинул для девушки стул и мгновенно принес меню, которые своей толщиной напоминали кандидатскую диссертацию Ивана Родионовича, только переплеты были посолидней.

Лена уверенно заказала крабовый салат и запеченную осетрину, Трофимов, запутавшись в обилии предлагаемых блюд, выбрал то же самое.

– Что будем пить? – поинтересовался он.

– Я думаю, коньяк. Во-первых, мы его пили в прошлый раз, а во-вторых, сегодня торжественное событие.

– Разве? Какое же?

– Конечно! Не каждый день я хожу в рестораны с такими известными и заслуженными учёными!

– Звания заслуженного деятеля науки я не получил, и неизвестно – получу ли когда-нибудь. Поэтому какой я заслуженный?! Обычный доцент, каких много.

– Нет, не обычный, – серьёзно ответила Лена. – К обычным доцентам, и даже профессорам, не набиваются в аудиторию студенты с других факультетов, да так, что яблоку негде упасть! Обычные не ездят на научные конференции за рубеж, не пишут интересных книг... Да и я с обычными не встречаюсь.

Последнюю фразу она выделила голосом, будто подчеркнула.

Трофимов был польщён и взволнован: значит, она тоже рассматривает эту встречу не как рутинное интервью, а как свидание?!

– Давайте лучше не обо мне!

– Давайте! А, кстати, как вы съездили? Было что-то интересное?

– Конечно. И доклады, и экскурсии, и знакомства. Я подружился с профессорами из Англии, Германии, Франции... Мы и жили вместе, и гуляли по Иерусалиму... Это удивительный город, когда там находишься, то не сомневаешься, что Христос действительно ходил по этим улицам, а потом случилось то, что случилось...

– Кстати, а прояснили ли вы что-то с моим вопросом?

– Которым из них?

– Который я задавала на лекции и который мы обсуждали на прошлой встрече. Мне показалось, что вы уходили от ответа. И обещали определиться после возвращения с конференции...

– Вы имеете в виду...

– Я имею в виду оценку известнейшего предательства в человеческой истории. Тридцать тирских шекелей – это много, мало или в самый раз?

– Этот вопрос мне там задавали многократно. Как будто сговорились!

– Но думаю, там вы отвечали откровенней...

– А почему вас так это интересует?

– Я сейчас занялась темой предательства. И его цена – только один аспект моих интересов!

– Иван, ты зачем забиваешь девушке головку всякими глупостями? – раздался сзади густой сочный бас. – Или не о чем больше поговорить с красавицей?

Голос был знакомый, причем настолько, что Трофимов вскочил, развернулся и оказался лицом к лицу с вельможного вида импозантным мужчиной в темно-синем костюме, тщательно отглаженной белой сорочке, с красным шейным платком в распахнутом вороте и вдобавок в шляпе с загнутыми полями: переднее – вниз, на лоб, заднее вверх, над коротко стриженным затылком. Ну, где вы видели в Советском союзе шейные платки и шляпы под костюм? Да еще в ресторане? Такое позволить мог только один человек: профессор Афористов Сергей Ильич, который и стоял перед ним собственной персоной.

Его боялись и уважали. Преклонялись и поклонялись: мировое светило, лауреат всех на свете премий, почетных званий и государственных наград, не связанных, правда, с боевыми действиями. Занимал большие посты «в верхах», ныне зав кафедрой истории ЛГУ. Историк мирового масштаба с фантастической памятью и безграничными знаниями, который, казалось, не столько изучает историю, сколько припоминает ее, как собственное детство или юность... Автор ставших уже классическими трудов по древнему Египту, Палестине и Междуречью...

Масштаб этой личности, ореол ученой славы и скандальности, окружающий ее, вызывал трепетное почтение не только у студизусов, но и у профессоров, проректоров и даже ректоров ведущих вузов. Высокий, худощавый, с крючковатым носом и цепкими, пронзительными глазами, Афористов – великий и ужасный!

И так же безмерно его боялись. Трепетали. Афористов был знаменит не только своими трудами и открытиями, но и тем, что зарубил добрую сотню диссертаций и добился лишения всех ученых степеней и званий нескольких известных московских академиков, уличив их в еретическом противоречии постулатам исторического материализма. При этом сам никогда не скрывал своего прохладного отношения к догмам марксизма и даже допускал критические высказывания о том, что допускалось только хвалить и возвеличивать... Причем это непостижимым образом сходило ему с рук. И он никогда не боялся ни начальства, ни парткома, ни профсоюзного комитета, ни общественного мнения. Вот и сейчас рядом с ним стояла молоденькая, не больше девятнадцати лет, красивая брюнетка с прической карэ, которая крепко держала его под руку, а он даже не делал попытки освободиться и изобразить, что они только что случайно встретились.

– Знакомьтесь, это Наташа, самая способная из моих студенток, отличница! – перехватив взгляд Ивана, представил спутницу Афористов. – Она действительно очень талантливая, и ее ждет большое будущее! С моей, разумеется, помощью! Я ведь люблю наставлять молодежь на путь истинный!

Девушка заулыбалась и еще теснее прижалась к профессору. На ней было дорогое голубое платье с открытыми плечами и туфли на высоком каблуке, приобретенные явно не без помощи наставника молодежи Сергея Ильича.

– А это Лена Еремина, знаменитая журналистка! Она берет у меня интервью, – сказал Трофимов. – А это знаменитый ученый профессор Афористов...

– Ну, раз мы все такие знаменитые, – с иронией произнес профессор, – то, может, будем сидеть за одним столом?

– Конечно, Сергей Ильич, садитесь с нами!

Сразу стало веселей: профессор рассказал смешной анекдот, официант, не дожидаясь заказа, принес вновь прибывшим коньяк, шампанское и два салата «Столичный». По предложению Афористова, мужчины стоя выпили за прекрасных дам, и даже официант, осознавая важность момента, замер с блокнотом по стойке «смирно».

– Принеси нам, Илюша, цыплят, – небрежно махнул рукой Сергей Ильич, твердо поставив рюмку на стол – будто печать оттиснул. – Скажи Арсену, что для меня. Пусть постарается, я с девушкой...

То, что девушка годится ему в дочери или даже во внучки, профессора совершенно не смущало.

Салаты съели быстро, и коньяк стремительно подходил к концу, хотя запас анекдотов у Афористова был неиссякаем. Но вдруг он посерьезнел.

– Однако, мы вас перебили! Что вы там говорили о цене предательства?

Лена пересказала суть своего вопроса.

– Ну, а что по этому поводу думает специалист в древней истории?

Трофимов вздохнул.

– Сколько можно обсуждать одно и то же? Вопрос уже давно решен. В веках звучит уничижительная фраза: «Продал за 30 сребреников!». То есть задёшево продал свою честь, совесть, достоинство...

– А может, здесь проявляется осуждающая оценка самого факта предательства как такового? – лукаво улыбнулся Афористов.

– Тогда бы и презрительно говорили: «Продал за миллион, ни чести, ни совести...» Только я таких осуждений не слышал!

Афористов кивнул.

– Пожалуй! Большая сумма смягчает оценку предательства...

– Но ведь эта сумма и была большой по тем временам! – вмешалась Лена. – Вы же сами сказали на лекции, что хватило бы купить и баранов, и волов, и разведённую женщину... Для простого человека это были очень приличные деньги! Даже римский воин зарабатывал их два с половиной года!

Отличница Наташа, восхищенно переводящая взгляд с Трофимова на Афористова и обратно, изумленно взглянула на журналистку. Очевидно, по ее представлениям, женщины не должны вмешиваться в споры между учеными мужами. Особенно по вопросам, выходящим за пределы учебной программы вуза. Иван Родионович подумал, что она чем-то похожа на Стрекозу с философского факультета.

– У меня есть еще одно объяснение: слова «30 сребренников» вовсе не отражают их номинальную стоимость – это просто эквивалент самого печально знаменитого предательства в истории человечества, – добавил Трофимов. – Его условная цена!

– А какова реальная цена? – настаивала Лена. – Я хочу подготовить публикацию, а в статье должны быть всем понятные суммы!

Афористов задумался.

– Ну, давайте попробуем прикинуть... Римский воин зарабатывал столько за два с половиной года... Приравняем его к нашему лейтенанту, мой племянник получает 250 рублей в месяц, значит, выходит 7500. Можно купить хорошую машину...

– А сколько можно купить женщин? – Лена чуть заметно улыбалась. И взгляд, и улыбка были вызывающе откровенными, точь-в-точь, как тогда, на лекции, когда Иван подобрал им неприличный, но точный эпитет.

– Ну, некоторые женщины не имеют цены, – сказал Афористов. – Вот, как, например, здесь присутствующие. Некоторые стоят довольно дорого. А некоторые – совсем дешево. Но они ведь не продаются навсегда, только отдаются во временное пользование. Это скорее договор аренды, так что сопоставить цены не удастся...

Он быстро разлил по бокалам остатки коньяка.

– Я предлагаю выпить за тех женщин, которые не имеют цены – за Лену и Наташу! Мужчины пьют стоя, женщины – до дна!

Афористов пружинисто вскочил и встал наизготовку: поднес бокал к губам и даже отставил локоть, как делают офицеры.

– И за Ирину! – дополнил Трофимов и тоже поднял локоть.

– А это кто? – недоуменно хлопнула глазками отличница. Она была единственной, кто ничего не понял.

– Все правильно: Ирина Васильевна – супруга Ивана Родионовича! – объявил Афористов. Лена понимающе кивнула. Они выпили.

Принесли основные блюда, Афористов заказал еще коньяка. Некоторое время ели и пили молча, но потом Лена вернулась к прежней теме.

– А вы, дорогие мужчины – такие галантные, такие мужественные, такие благородные, – способны предать? – вдруг спросила она. И добавила: – Чисто теоретически, хотя бы...

– Разве что за тот миллион, о котором говорил мой молодой друг! – засмеялся Афористов, вытирая жирные губы салфеткой. – Но мне некого предавать. Поэтому миллиона мне никто не предложит...

– А вы, Иван Родионович?

– У меня та же ситуация, что у Сергея Ильича, – кивнул на профессора Трофимов.

– Некого предавать? А жену? – Наташа впервые за вечер открыла рот не для того, чтобы есть. – Ведь она вам очень дорога? Но если за миллион?

– Bravo, девочка, это глас не юной студентки, а взрослого мужа, кандидата наук! Может даже, и доктора! – восхитился Афористов. – Мяч на вашей половине, дорогой Иван!

– Я даже не хочу это обсуждать в силу совершеннейшей очевидности ответа! – отмахнулся Трофимов. – Независимо от предложенной суммы предательство есть свойство бесчестности и низости натуры!

– И вам bravo! – Афористов со скептическим видом несколько раз хлопнул в ладоши. – В теории ваш тезис выглядит красиво и со всех сторон безупречно! Но вот ведь как бывает... У нас в прошлом году только защитившийся аспирант написал жалобу на своего научного руководителя – профессора Петракова Виктора Николаевича. Дескать, приходилось и подарки ему дарить, и летний отдых обеспечивать у живущих на море родителей, и то, и се... А вдобавок неблагодарный профессор увел у него девушку-студентку!

– Ой, какой ужас! – воскликнула Наташа.

– Да, невинная и чистая душа, это действительно ужасно! Ведь подарки и отдых – дело житейское, а на студентке Петраков женился по взаимной любви, и они родили девочку! Только за аморалку и недостойное поведение Виктора Николаевича исключили из партии и уволили из вуза с волчьим билетом. А тот, кого он за руку привел в кандидаты наук, процветает – уже старший преподаватель, скоро получит доцента и прекрасно себя осознает! И никакого разговора о низости натуры вокруг него не идет. И сам себя он не считает негодяем...

– Так за что мы выпьем? – спросила Лена. Она сняла туфельку и поглаживала ступней под брюками ногу Ивана Родионовича, от чего тот испытывал совершенно новые, неизведанные в своей размеренной ученой жизни чувства.

– За относительность жизненных категорий! – Афористов поднял бокал. – Я знаю много уважаемых людей, занимающих солидные должности, обучающихся молодежь, часто выступающих на собраниях и зовущих к победе коммунизма... Но при желании какой-нибудь правдоруб или ангажированный журналист – я не вас, Леночка, конечно, имею в виду, – может раскопать про них такое, что хоть за голову хвататься! Идеальных людей нет! Как, впрочем, ни в чем нет идеала! Я могу по памяти допустить неточность, но процитирую древний индийский трактат Хитопадеша: «Женщины обыкновенно доступны дурным людям, царь покровительствует недостойным, богатство достается скупцу...» И действительно – разве погода идеальна? Нет: сегодня жара, завтра мороз, послезавтра снег, а послепослезавтра – дождь... Идеальные места для жизни – где они? Нету! В пустыне Мохаве – плюс пятьдесят, на Южном полюсе – минус пятьдесят. Тут землетрясения, там засухи, подальше наводнения, совсем далеко – цунами, пыльные бури, тайфуны... И чтобы не сойти с ума, надо по другому смотреть на вещи и выбирать более мягкие и оптимистические оценки!

Они встретились глазами, и Трофимов увидел в них искорки. Не те, которые употребляются литераторами в метафорическом смысле, как проявление веселья или лукавства, а самые настоящие, огненные искры, словно внутри у него горел костер, стреляющий крапинками пламени...

«Да, это стопроцентный «носитель»! – подумал он. – И как ловко призывает терпимо относиться к мерзостям!»

– ...Пьем за это, дорогой Иван Родионович? – веселый голос прорвался в затуманенное коньяком и размышлениями сознание.

– Конечно, Сергей Ильич! – отозвался Трофимов, понимая, что вступать сейчас в спор не время и не место.

Они выпили, и очередной графинчик коньяка опустел.

– Уже поздно, нам пора домой! – произнесла Лена и положила руку на плечо своему спутнику. – Вы меня проводите, Иван Родионович?

– Конечно! – с готовностью отозвался Трофимов, хотя в глубине души надсадно зудело беспокойство: уже двенадцать ночи, он никогда так не задерживался, тем более без предупреждения... Ну, ничего, проводит, и сразу домой! Сразу, сразу!

– Я вас довезу, у меня машина у входа! – торжественно объявил Афористов.

«Ну, тем более, – с облегчением подумал Иван Родионович. – Это ускорит мое возвращение!»

– А вдруг гаишники остановят? – все-таки остерег он профессора.

Наташа прыснула и глянула на него, как на полного дурака. Афористов тронул ее за руку и укORIZненно сдвинул брови.

– Сотрудники госавтоинспекции очень сочувственно и внимательно относятся к представителям науки, – мягко объяснил он Ивану. – Они понимают сложность и важность нашей работы и всегда готовы прийти на помощь. Но сегодня они нам

не встретятся.

Его слова сбылись полностью. Они совершенно беспрепятственно и с большим комфортом домчались до Лениного дома. Черная «Волга» с острым запахом новизны от кожаных сидений, летела быстро и плавно, как птица.

– Я салон переделал, двигатель помощней поставил, – небрежно пояснил Афористов, который вел машину левой рукой, а правой обнимал Наташу. – Так что ездить можно...

До Трофимова эти слова доходили, словно сквозь вату. Сладкую сахарную вату. Лена устроила на заднем кожаном сиденье такой дивертисмент, в котором он никогда ранее не участвовал, только видел один раз по закрытому каналу в парижской гостинице. Даже еще более бурный и неистовый. Может, так казалось оттого, что на этот раз у него был задействован не только канал визуального восприятия, но весь спектр ощущений: и осязание, и обоняние, и вкус, и слух... Девушка превратилась в Лакшми – многорукую индийскую богиню любви, которая обвилась вокруг него: ее руки одновременно ласкали множество самых чувствительных мест неизбалованного трофимовского тела, а иногда было даже трудно разобрать – где ее руки, а где ноги...

Трофимов одновременно ощущал вкус коньяка на ее остром язычке и чувствовал его у себя в ухе вместе с возбуждающим нежным шепотом, от которого поднимались даже волосинки на спине, не говоря уже о верном дружке, никогда не попадавшем в такой оборот, но скорей жалевшем об упущенных возможностях, чем выражавшем недовольство новыми ощущениями... Иван одновременно вдыхал аромат тонких духов и естественные запахи тела, так ценимые опытными дон-жуанами: легкое благоухание девичьего пота, пробивающееся сквозь дезодорант и даже нежно украшающий его грубую тональность; притягательный мускусный душок, растворенный специальными благовониями, но справившийся с ними и рвущийся наружу... У Ивана оказалось тоже много рук, они гладили какие-то округлости, ныряли в какие-то складки, щелки, отверстия, преодолевали какие-то препятствия, срывали какие-то тонкие, почти воздушные завесы...

– Эй, ребята, вы там не заснули?! – подала голос отличница с переднего сиденья. – Нам тоже хочется поскорей добраться до постельки!

– Наташенька, будь деликатней! – доброжелательно прогудел Афористов.

Трофимов пришел в себя. «Волга» стояла у облицованной гранитом пятиэтажки сталинской постройки.

– Приехали, выходим! – сказала Лена. – Сейчас, только туфли надену. Смотри, не забудь мои вещи...

– Какие?

– Вот какие! – она что-то сунула ему в руки. Уже в свете фонаря над подъездом он рассмотрел, что это: красный кружевной лифчик, узенькие красные трусики и колготки.

«Волга», посигналив, уехала.

– Как ты все это сняла? – удивился Иван.

– Я?! Ну, ты даешь, доцент! Лучше застегни брюки! И мне платье тоже... Пойдем, нам на второй этаж!

«У двери прощаюсь и ухожу, прощаюсь и ухожу», – как заклинание мысленно повторял Иван.

Квартира Лены выглядела гораздо респектабельней, чем можно было ожидать от жилища корреспондентки «Вечернего Ленинграда»: не коммуналка, не «гостинка» и не «хрущевка» – просторная двухкомнатка, с высокими потолками и большими окнами, к тому же обставленная массивной старой мебелью из сороковых годов.

Справа располагался черный кожаный диван с валиками, сняв которые можно спать, вытянувшись во весь рост, с высокой спинкой, на полочке которой стояли знаменитые семь фарфоровых слоников, приносящих счастье, и с десятком маленьких, расшитых кошачьими мордочками, красных атласных подушечек. Над ним всю стену занимала картина «Мишки в лесу» в золотой раме, рядом стоял прямоугольный стол с толстой раздвигающейся столешницей, покрытый тяжелой плюшевой скатертью вишневого цвета с кистями. На эту скатерть

Трофимов и вывалил вещи, которые держал в руках. Белье Лены гармонировало со скатертью, и он подумал, что художник мог бы нарисовать оригинальный натюрморт. Стулья с высокими спинками вокруг стола напоминали троны, в углу стояло большое кресло, накрытое ковриком, с потолка свисал похожий на глубокий зонт красный абажур с бахромой. Тусклое красноватое освещение придавало обстановке интимность будуара.

– Не удивляйся, это съемная хатка, – сказала Лена, словно прочтя мысли гостя.

– Однако, аренда равна цене однушки на Петроградке...

Лена улыбнулась.

– Думаю, у отличницы Сергея Ильича жилье не хуже!

«Прощаюсь и ухожу, прощаюсь и ухожу» – Трофимов тяжело повалился на диван. Сил идти куда-то у него не было. Да и желания тоже, тем более что его почуявший богатое угощение дружок имел вполне определенные и далеко идущие планы. Иван закрыл глаза и почувствовал, что комната тут же закрутилась вокруг! Он поспешно вынырнул из темноты и, уставившись в стол, остановил вращение.

«Как бы меня не вырвало! – мелькнула вполне реальная мысль. – Надо выпить крепкого чаю!»

– Лена!

Но хозяйки видно не было. Только в ванной лилась вода.

«Значит, ухожу не прощаясь!» – подумал он, не двигаясь с места.

Через несколько минут шум воды прекратился, и в комнату вошла совершенно голая Лена. Трофимов замер. В своей жизни он повидал немало обнаженных женщин – десятки, а может, и сотни. Многочисленные варианты Психеи, Венеры-Афродиты, Елены Прекрасной, Ариадны, бесконечные ряды греческих и римских богинь и мифологических красавиц в самых различных позах: спящих, бодрствующих, купающихся, омывающих себе ноги... В Эрмитаже, Лувре,

Дрезденской галерее и Мюнхенской пинакотеке; мраморных, бронзовых, изображенных красками на холстах...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

1

МНС – младший научный сотрудник.

2

Эти и другие события, упоминаемые в романе, описаны в книге «Усмешка Люцефера».

3

ОБХСС – отдел борьбы с хищениями социалистической собственности. Ныне ОБЭП.

Купить: https://tellnovel.com/koreckiy_danil/za-tridcat-tirskih-shekeley

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)